

НАДЕЖДА
ВОЛГИНА

НАУЧИ МЕНЯ
любить

Вечная любовь

Надежда Волгина

Научить любить

«Автор»

2020

Волгина Н.

Научить любить / Н. Волгина — «Автор», 2020 — (Вечная любовь)

Жизнь порой нам кажется спокойной и предсказуемой, но все может измениться в один момент. Так случилось с Лидой – простой девушкой, из провинциального сибирского городка. Разве думала она, что однажды в ее жизнь вмешается продвинутая цивилизация другого мира и старообрядческое колдовство! И такое количество испытаний свалится на ее голову, что не обладай она самой чистой душой в мире, вряд ли выдержала бы. Но никакие напасти не страшны, если веришь в любовь, даже такую, за которую предстоит побороться. Для обложки использованы изображения со стока Shutterstock.

© Волгина Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Пробуждение. Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Часть 1. Пробуждение. Глава 1

Мороз! Ох, и холодно же сегодня! Я бегу на работу и слышу, как под ногами хрустит снег. Всю дорогу приходится сражаться с пронизывающим ветром. Мелкие и острые кристаллики царапают кожу. Я прикрываюсь от них варежкой. Так дышать легче – ледяной ветер не проникает в легкие, заставляя хватать ртом воздух. Открытыми на лице остаются только глаза. Да и их все время приходится шурить.

Первый раз за всю зиму температура воздуха опустилась до минус тридцати. По количеству выпавших осадков наш край, наверное, считается рекордсменом. Снега навалило столько, что сугробы выше человеческого роста. Иной раз и за всю зиму не бывает столько. А сегодня только тринадцатое января – канун Старого Нового года.

В рот попадают ворсинки от варежек. А их у меня по две на каждой руке – снизу тонкие шерстяные, а сверху толстые мохеровые. Только так руки не мерзнут. Конечно, это не очень элегантно, кожаные перчатки куда как красивее. Но в них у меня каждый палец замерзает по отдельности, пока не перестает их чувствовать совсем. А в варежках они согреваются, прижимаясь друг к другу, как родные братья. Мама каждый год вяжет мне новые варежки к началу зимы. Вообще, зимой я предпочитаю одеваться тепло.

А ведь, где-то сейчас люди купаются и загорают, и снег видят только по телевизору. Вот бы хоть на один день поменяться с кем-нибудь из них местами. Я бы погрелась в лучах жаркого солнца, а они бы покатались на лыжах или санках, например.

На самом деле, я люблю зиму, но только до Нового года, когда настроение приподнятое, предпраздничное, когда живешь в ожидании чуда, и радуешься снегу. Новый год – мой любимый праздник. В детстве я за месяц до его наступления рисовала календарик и каждый день зачеркивала по одной цифре. И елку мы с мамой наряжаем не позднее, чем за неделю до праздника, чтобы настроение всю эту неделю было приподнятое. И подарки мы находим под елкой не первого января, а тридцать первого декабря – так намного интереснее. А первого января мне всегда немного обидно, что новый год уже наступил и праздник закончился, и скоро на работу, и снова ждать следующего Нового года.

Наконец-то, добралась. Чуть не навернулась на обледенелых ступенях. Потянула ручку тяжелой металлической двери, обшитой деревом, и заскочила в теплое помещение нашего почтамта. Тут я работаю уже полтора года, почти сразу после окончания школы.

Внутри, кроме ночного сторожа, дяди Гриши, еще никого нет, потому что рано, только половина восьмого, а работаем мы с восьми.

– Привет, дядь Гриш, – отдуваясь, сказала я, – кажись, дошла, не обледенела.

– Привет, воробышек. Ты прямо, как Снегурочка, вон, все ресницы белые.

Люблю приходить самая первая, когда еще нет суеты, никто не делится новостями и впечатлениями, когда можно спокойно раздеться и подготовиться к работе.

Драповое пальтишко отправилось в шкаф. Туда же я повесила теплый кардиган, который связала мама и подарила мне на Новый год. Старенькие сапоги переобула на туфли лодочки без каблука. Обувь с каблуком я не ношу. Чувствую в ней себя невероятно высокой. Кажется, что все только на меня и смотрят. Понимаю, конечно, что это глупо, ведь, роста-то во мне всего метр шестьдесят, но поделать ничего не могу, такая, вот, уродилась.

Зайдя за деревянную стойку со стеклянным верхом, открыла дверь в маленькую комнату, которую считаю своим кабинетом. Кроме телетайпа, крутящегося стула и письменного стола там больше ничего нет, да и не поместилось бы уже. Я включила телетайп и поправила еловую ветку в вазе, украшенную тремя шариками и ниткой мишуры. Намеренно не убираю ее – так создается иллюзия, что праздник еще не закончился.

Работаю я на участке по отправке телеграмм. В стеклянном окошке принимаю телеграммы от жителей и гостей нашего города. Набрав некоторое количество, отправляю их адресатам, стуча по клавишам телеграфного аппарата. Работа мне нравится. Совсем не кажется скучной, потому, что телеграммы бывают такими разными: грустными или радостными, скучными или смешными. Конечно, сейчас уже не многие пользуются таким средством связи, потому что есть компьютеры и мобильные телефоны. Но все же работы хватает даже в нашем городке с численностью населения семнадцать тысяч шестьсот человек.

Телеграфному делу я научилась еще в школе – в старших классах на профподготовке. Практику проходила на нашем почтамте. Поэтому, когда пришла устраиваться на работу, меня сразу взяли. Этот участок у них был как раз свободен, и временно его вела Зайцева Людмила Борисовна, как нагрузку к основному – междугородние и международные переговоры. За небольшую зарплату я работаю в тепле и дружном коллективе.

Хлопнула входная дверь, и зашла Людмила Борисовна.

– Здравствуй, Григорий Сергеевич, здравствуй, Лидочка.

Это меня зовут Лидой. Имя мне не очень нравится, да и мало кто меня так называет. Почему-то ко мне приклеилось прозвище «воробышек», а придумал его дядя Гриша. Наверное, потому, что я вечно растрепанная. Все эти волосы – непослушные и торчат во все стороны, а стригусь я достаточно коротко. Вот и получается – натуральный воробышек. Я не обижаюсь, иногда даже нравится. Есть в этом что-то ласковое.

Только Людмила Борисовна зовет меня исключительно по имени. Она у нас дама важная, ухоженная. Муж у нее директор нашего гофротарного завода. А Людмила Борисовна работает ради того, чтобы чувствовать себя независимой, как она сама говорит. Одетая она всегда с иголочки, вещи дорогие. Макияж, маникюр всегда обязательно. Натуральная блондинка с правильными чертами лица. И, хотя, она старше меня всего на десять лет, но все зовут ее по имени отчеству, даже те, кто старше ее намного. Умеет преподнести себя человек!

Она закончила Одесский институт связи. И когда мужа назначили сюда директором завода, приехала вместе с ним. Он старше ее на пятнадцать лет и души в ней не чаёт, на руках носит. А она ему платит снисходительной любовью и великолепно за ним следит. Все выглажено, вычищено, в доме ни пылинки, да еще и прекрасно готовит. В прошлом году она нас всем коллективом приглашала к себе домой на день рождения. Угощения все были просто замечательными, пальчики оближешь. Вот тогда я и поняла, что в их доме царит любовь. Только с детьми у них не получается. Но они все равно счастливы, потому что живут друг для друга.

– Здравствуй, Людмила Борисовна, – ответила я, невольно любуясь ею.

– Холодно сегодня невероятно, а к вечеру, говорят, еще крепчать будет. Если хочешь, Лидочка, мы с мужем тебя после работы подвезем до дома. Нам все равно в твою сторону, к подруге обещала заехать, – предложила она, снимая шубку и вешая ее на плечики.

– Спасибо большое, но мне нужно будет зайти в супермаркет за продуктами. Мама целый список написала. Не хочу вас задерживать. А оттуда я доберусь на автобусе.

– Ну, смотри...

Опять распахнулась входная дверь и со смехом влетела Машка – наш специалист по почтовым отправлением и переводам и просто замечательный человек.

– Привет, привет всем, – крикнула она, не прерывая разговора по мобильному и не переставая улыбаться. – Ну ладно, все, пока, целую. Вечером дома расскажешь все в подробностях. Мне нужно работать.

Машке двадцать два года. Живут они вдвоем с младшей сестрой. Два года назад они осиротели – родители погибли в автокатастрофе. И Машка стала заботиться о своей младшей сестре. Ей пришлось бросить институт в Новосибирске и вернуться домой. Людмила Борисовна помогла ей устроиться на работу. Она хорошо знала Машиных родителей.

Машиной сестре шестнадцать, она учится в девятом классе. Говорят, идет на золотую медаль. А Маша у них – основной добытчик. Еще им здорово помогает тетка, сестра отца, коренная москвичка. Она и деньги им переводит, и каждый месяц шлет огромные посылки.

– Ой, ну умора просто. Умереть не встать. Вы представляете, Ленка сегодня умудрилась уйти в школу, забыв надеть юбку. Хорошо подружка в раздевалке вовремя заметила, а то бы стыда натерпелась. Ужас, какая она у меня рассеянная, – смеясь, рассказывала нам Машка.

– Как ты не замерзаешь, Маш, в своей коротенькой курточке и ботиночках? – спросила я. – Я, вот, вся закуталась и, то, еле дошла до работы. Думала, по дороге обледенею.

– Так я же родилась в Магадане. А там еще и не такие морозы бывают. Я закаленная.

– Но все же нужно одеваться теплее, особенно снизу, ты ведь будущая мать, – послышался строгий голос за спиной.

– Здравствуйте, Светлана Викторовна, – хором пропели мы с Машкой.

– Здравствуйте, здравствуйте, девочки. А вы почему еще тут, Григорий Сергеевич? Ваш рабочий день уже закончился.

– Все, уже убегаю. Вот заслушался тут молодежь. Интересно с ними и сам душой молодеешь. – Дядя Гриша был большой охотник до бесед с нами.

– Идите, идите, вам нужно выспаться. А то вечером опять заступать на дежурство, – строго сказала Светлана Викторовна.

– Да я вздремнул тут пару часиков. И потом, много сна в моем возрасте уже не требуется и не получается. Ладно, я пошел, до свидания. – Он помахал нам рукой и вышел на морозный воздух.

– Девочки, предлагаю обсудить новости в обеденный перерыв, а сейчас за работу. Уже без пяти восемь, – полушутя полусерьезно произнесла Светлана Викторовна.

Она – наш начальник, строгая, но справедливая. Ругает, если есть за что, но и в обиду никому не дает. И специалист высококлассный – на любом участке может заменить любую из нас. Как говорится, несовременный тип руководителя. Для своих пятидесяти пяти Светлана Викторовна выглядит отлично.

У нее трое сыновей. Двое отучились в ВУЗах и сейчас работают: старший – в Питере, средний – в Новосибирске. А младший учится на геолога в Новосибирском Университете. Светлана Викторовна не одобряет его выбор профессии, но тщательно это скрывает от него, поскольку уважает желание сына. Муж у нее инвалид третьей группы и работает дома – пишет статьи для местной газеты, а раньше работал на заводе начальником отдела кадров. Еще у нее растут два замечательных внука, только видит она их редко и очень скучает. В их семье рождаются одни мальчики. Как говорит она сама, посмеиваясь: «Кузница воинов».

Светлана Викторовна скрылась в своем кабинете, и начался наш трудовой день. Поначалу было мало посетителей, а к обеду в зале стало более оживленно.

Как всегда, у окошка переводов скопилось очередь. Те, у кого нервы послабее, начали переругиваться. Но Машка, со своим веселым и добродушным нравом, быстро их успокаивала.

Когда у меня выпадал перерыв в работе, я смотрела на Людмилу Борисовну в ее переговорном пункте и удивлялась, насколько хорошо у нее все получается делать. Сколько природной грации в движениях. В ее очереди никто никогда не ссорился, при ней было просто неудобно этого делать. Я тоже мечтала стать такой, но в глубине души была уверена, что такими рождаются, а не становятся.

Постепенно мысли переключились на другую тему – как бы нам с мамой встретить Старый Новый год поинтереснее. Она, наверное, приготовит что-нибудь вкусенькое. Можно купить бутылку шампанского и немного повеселиться.

В обеденный перерыв никто никуда не пошел, все дружно перекусили в маленькой комнатке, играющей роль столовой, делясь друг с дружкой тем, что прихватили из дома. В такой мороз лишний раз не хотелось покидать теплое и уютное помещение, где так приятно пахло

чернилами, как в те времена, когда бланки телеграмм и переводов заполняли перьевыми ручками, макая их в чернильницы. Уже давным-давно все пишут шариковыми, а запах остался, напоминая детство.

В пять часов я разложила по стопочкам телеграммы, не срочные, те, что не успела отправить сегодня. Завтра ими нужно заняться в первую очередь. Людмила Борисовна и Светлана Викторовна уже оделись и, попрощавшись, ушли.

– Ну, ты чего там копаешься, воробышек? Давай одевайся, я тебя жду. Составлю тебе компанию – пойду с тобой в магазин. Я обещала Ленке купить конфет к празднику, – крикнула мне Машка через дверь.

– Иду. Уже одеваюсь... – Я быстро натянула пальто и вылетела из кабинета.

– Ух ты, вот это скорость! – сказала Машка, застегивая куртку.

Не люблю заставлять людей ждать себя. Считаю это неприличным.

Дядя Гриша уже вновь заступил на боевой пост. Он у нас трудится без сменщика. Говорит, что иначе, дома одному можно свихнуться от тоски, а так, все ж при деле.

– Смотрите, девочки, по улице не шастайте. Мороз о-го-го! Давно не было так холодно, – сказал он, выпроваживая нас за дверь.

– До свидания, дядя Гриша, и с наступающим вас! – запоздало прокричала Машка в закрытую дверь.

Мы вышли на улицу и, в первый момент, я чуть не задохнулась – так было холодно.

– Ну, ты и хилая, Лидка, – хмыкнула Машка, глядя на меня, и бодро потопала в сторону супермаркета.

Я поплелась за ней, кутаясь в воротник пальто. Хорошо хоть ветер стих, значит, температура не будет опускаться еще ниже.

Несмотря на ледяную стужу, на улице было нереально красиво. Деревья стояли белые в свете фонарей, снег искрился под ногами, и небо было чистое, без облаков, только круглая луна выделялась на нем огромным светящимся шаром. Я, как замороженная, не могла отвести глаз от луны, пока не споткнулась и не упала в сугроб.

– Ну, и чего ты такого там увидела? – смеясь, спросила Машка, поднимая и отряхивая меня. – Романтик ты наш неуклюжий.

– Луна красивая, – буркнула я.

– Луна, как луна, ничего особенного, – пожалала она плечами.

Мы уже дошли до магазина и быстро забежали внутрь. Я постепенно оттаивала, сняла варежки и размяла пальцы. Взяв тележки, мы пошли затариваться. Я купила все по маминому списку и добавила еще от себя бутылку хорошего шампанского. Решила, что сегодня могу себе это позволить, и маме будет приятно.

Выйдя из магазина, я попрощалась с Машкой и пошла на остановку. Ее дом находился в другой стороне.

Несмотря на то, что было только семь часов, остановка уже пустовала. Правильно, подумала я, нормальные люди в такую погоду сидят дома, а не шатаются по магазинам. Умные и дальновидные покупают все заранее. За остановкой сразу начинался лес. Наш городок называется Болотное, то ли из-за близости болота, то ли в честь небольшой речки Болотки, которая тут протекает. А еще в преданиях говорится, что первым поселенцем у нас был ямщик Болотин, от которого якобы и пошло название города. Мне все эти версии нравятся. Находится он на самой северо-западной границе Новосибирской области и построен прямо в лесу. Со всех сторон его окружает тайга.

Я старалась не смотреть в сторону леса. Темнота навевала всякие страшные картины. Автобуса все не было и не было. Дорога пустовала, даже машины не проезжали мимо. Постепенно страх стал уступать место ощущению нереальности происходящего. Как будто на оста-

новке вовсе не я была, а кто-то, за кем я наблюдаю со стороны. Очертания предметов вокруг расплывались, как будто я резко стала хуже видеть.

Я оглянулась и остолбенела. На скамейке сидел парень и смотрел прямо на меня. Но его не было тут, когда я пришла. Откуда тогда он взялся?

Он сидел абсолютно неподвижно, как будто боялся спугнуть меня. На вид ему было лет двадцать пять. Одет во что-то темное и явно не по погоде. В тусклом свете фонарей трудно было разглядеть внимательнее. Но стоило посмотреть ему в глаза, как я потеряла способность соображать. Они светились в темноте, переливаясь всеми оттенками синего. Таких глаз я еще не встречала ни разу в жизни. Казалось, они жили самостоятельно на лице странного парня.

Я стояла, не шевелясь. Взгляд этих глаз приковывал меня к месту и лишил дара речи. Казалось, он изучает меня, пытается что-то понять. Как будто проникает в мой мозг и читает мысли. Я чувствовала, как постепенно исчезает страх. Какие красивые у него черты лица – идеально правильные и, одновременно, достаточно резкие, словно высеченные из камня. Черные волосы покрыты инеем и блестят, как россыпь драгоценных камней. Телосложение художавое, но кажется невероятно сильным.

Я забыла, что держу в руках тяжелый пакет, и стою на морозе, что на улице вечер, и вокруг ни души. Меня покинуло ощущение холода. Тело стало невесомым. В мозгу билась одна мысль: пусть это никогда не кончается. В его глазах отражалась вся моя жизнь, и я могла видеть ее со стороны.

Не знаю, сколько прошло времени, но постепенно веки стали тяжелеть и опускаться на глаза. Когда я очнулась, никого рядом не было. Оглянулась в поисках странного парня, но нигде его не увидела. Сразу же вернулось ощущение холода. Я почувствовала, что пальцы совсем онемели от тяжести пакета, ручки которого врезались в кожу даже через варежки.

С шумом подъехал автобус, и я оказалась в относительном тепле. В относительном, потому что со всех щелей задувает ветер, на окнах морозный рисунок, изо рта идет пар. Не люблю ездить в автобусах. Они все старые и дребезжащие. Казалось, что на повороте он обязательно завалится на бок. Но до моего дома всего две остановки, и я была не в том состоянии, когда на все это обращают внимание.

Зайдя домой и, посмотрев на себя в зеркало в прихожей, я удивилась тому, как блестят глаза. Как будто в них до сих пор отражался неестественный свет глаз того странного парня. И лицо такое бледное, не как с мороза. Я потерла и пощипала щеки, подергала нос, пытаюсь вернуть себе нормальный человеческий вид. Мама не должна ни о чем догадаться. Ведь, не рассказывать же ей, что я полчаса таранилась на незнакомого парня, который вдруг появился неизвестно откуда. Нормальному человеку в это трудно поверить. Повесив пальто на вешалку, я прошла на кухню, где весело хлопотала мама.

– Что-то ты быстро управилась с покупками. Я ждала тебя не раньше чем через час, – сказала она, не глядя на меня.

Я посмотрела на часы и не поверила глазам. Только пятнадцать минут восьмого? А мне казалось, что там, на остановке, прошла целая вечность.

– Ты чего молчишь? – спросила мама и обернулась, чтобы посмотреть на меня.

– Да замерзла сильно, никак не могу отойти, – ответила я, поспешно склонившись над пакетом с продуктами.

– Ну, беги быстрее в душ, потом разберешь пакет.

В ванной я долго стояла под струей горячей воды, пытаюсь осмыслить то, что увидела и почувствовала. Но в памяти остались только пронзительный взгляд синих глаз и мое отражение в них. Я до сих пор ощущала их гипнотическую силу.

Выйдя из ванной, я налила себе огромную чашку чая с малиновым вареньем и выпила ее большими глотками. И только тогда почувствовала, как по жилам заструилось тепло, и тело начало расслабляться.

Мы с мамой быстро приготовили незамысловатый праздничный ужин, включили телевизор, открыли бутылку шампанского и выпили по бокалу. Шел какой-то концерт. Я старалась вести себя естественно и непринужденно, чтобы мама не начала приставать с вопросами. Но у меня это не очень хорошо получалось, поэтому, едва пробил двенадцать, мы выпили с мамой еще по бокалу шампанского, и я отправилась спать.

Закрыв плотно дверь своей комнаты, я прислонилась к ней спиной и какое-то время стояла не двигаясь. Затем заставила себя оторваться от двери и застелить старенький диванчик. Забравшись под одеяло и укрывшись с ухом, свернулась калачиком и, наконец-то, разрешила себе все обдумать. Я пыталась вспомнить подробности того, что произошло на остановке. Но помнила только глаза и их неестественный блеск, и то, как они прожигали меня насквозь. Постепенно мысли приняли другой оборот. А может, мне все привиделось, и на самом деле ничего не было, что все это фантазия моего уставшего и замерзшего сознания. Но я тут же одернула себя. Трудно придумать глаза, которых в природе не существует.

Я проворочалась в постели до половины третьего, но потом все-таки уснула, и приснились мне ярко-синие глаза, но во сне они улыбались и искрились добротой.

Глава 2

Звонок будильника врывался в полусонное сознание. Вроде только уснула, а уже нужно вставать. Давай, подруга, где твоя сила воли, которую ты так упорно воспитываешь? Вставай, кому говорят! Как же хочется еще немного поспать, но минуты убегают, оставляя все меньше времени на то, чтобы собраться. Ну вот, постель убрать теперь не успею. От этой мысли я окончательно проснулась. Пришлось действовать со скоростью пули. Я металась между ванной и кухней. На все про все у меня было ровно двадцать минут. Их хватило, чтобы умыться и выпить кофе.

И вот я уже лечу на работу. Теплее не стало, но вроде и не похолодало. Хорошо, что нет ветра. От бешеной скорости я даже не успела замерзнуть. Еще совсем темно. Луна огромным диском висит в небе. Она напомнила вчерашнего парня, если он, конечно, мне не приснился, что казалось более вероятным.

Рабочий день пролетел быстро. Пришлось помогать Машке на ее участке работы. Скопилось огромная очередь из пенсионеров. Сегодня день выдачи пенсий. Очередь занимала половину клиентского зала. Машка разрывалась между упаковкой посылок и выдачей пенсий. А пакуем мы посылки по старинке – заворачиваем в бумагу, обклеиваем печатями, пишем адрес получателя и перевязываем бечевкой. Все это занимает кучу времени. И хотя у Машки настоящий талант упаковщика, сегодня это не спасало. На подмогу ей решено было бросить меня. Ох, и наслушалась я в тот день недовольных высказываний в свой адрес от особенно вредных стариков и старушек. К вечеру мы с Машкой очень устали. Домой я плелась, не чувствуя ног. Зато мозг мой сегодня отдыхал, позволяя ни о чем не думать.

Мама дома уже не было. Сегодня у нее дежурство. Работает она ночным воспитателем в детском саду недалеко от нашего дома. До того, как я окончила школу, она еще по выходным торговала на рынке турецкими вещами, которые брала у челночников на реализацию, и три раза в неделю ходила мыть офис фирмы по продаже мобильных телефонов, на первом этаже нашего дома.

В сорок два года мама выглядит на пятьдесят. Отец нас бросил, когда мне был всего лишь годик от роду. Не вынес тягот провинциальной жизни и подался на заработки. Уж не знаю, заработал он что-нибудь или нет, только, с тех пор, мы ни его больше не видели, ни заработанных им денег. Кто-то рассказывал, что встречал его в Хабаровске. Вроде неплохо выглядит. Но нас он уже не интересуется. Мама оставила одну его фотографию лишь для того, чтобы я знала, как он выглядит.

Вообще, она у меня молодец. Несмотря на боль, какую ей причинил отец, она никогда ничего плохого про него не говорит. Скорее, не говорит о нем вообще, а у меня нет желания спрашивать. Только туго ей, конечно, приходится. Работает на износ.

Пока я училась в школе, помогала ей торговать на рынке. Больше она мне не разрешала делать ничего, хотела, чтобы я училась хорошо. Только училась я все равно неважно в силу своего характера, а не от недостатка ума. Учила я только те предметы, которые мне нравились, а остальные пускала на самотек. Вот, и закончила школу с четырьмя тройками. Перед мамой стыдно, но время вспять не повернешь и сделанного не воротишь.

Я переделалась в домашние штаны и фланелевую рубашку и решила устроить небольшие постирушки. Бросила в ванну белье замачиваться и пошла на кухню выпить кофе с остатками вчерашнего курника. Времени на обед сегодня не было, и я жутко проголодалась. Как же я люблю нашу кухню! Она, конечно, малюсенькая, но мама сделала так, что старенькая мебель выглядит эксклюзивными образцами без признаков мешанства – никаких салфеточек, вазочек и прочей ерунды. Все вычищено и вымыто, на своем месте и всегда под рукой.

Я сидела в уголке на табуретке между столом и окном, поджав ноги под себя и ни о чем не думая. Делать ничего не хотелось, так меня разморило. Кажется, даже вздремнула чуть-чуть. С трудом заставила себя встать и заняться бельем. Постирала, прополоскала и развесила его в коридоре. Живем мы на первом этаже, и балкона у нас нет. Поэтому веревки натянуты прямо в коридоре.

Скоротать вечер решила с любимым романом – «Цитадель» А.Кренина. Читала его еще в школе, и сейчас решила прочесть еще раз. Почему-то темень и холод за окном натолкнули меня на эту мысль. Усевшись на диван с ногами, и, укрывшись пледом, я погрузилась в мир английской классики и, как всегда, потеряла счет времени.

Опять! Опять это ощущение нереальности происходящего. Книга выскользнула из рук, вдруг ставшими вялыми и легкими, и с грохотом упала на пол. Очертания комнаты потеряли четкость, она как будто поплыла у меня перед глазами. Тело стало невесомым. Мне казалось, что я уже не сижу на диване, а парю в воздухе, в нескольких сантиметрах над ним. Какая-то сила заставила повернуть голову.

Я даже не удивилась, когда увидела его. Он стоял в нескольких метрах от меня, не шевелясь, прямой, как натянутая струна, высокий и очень красивый. На нем был причудливый комбинезон цвета морской волны. Он не обтягивал его, а, казалось, струился вдоль тела. Ткань выглядела необычно – что-то среднее между тонким бархатом и шелком. Хотелось прикоснуться к ней и ощутить ее нежность. Цвет комбинезона оттенял его глаза. Сейчас они казались насыщено синими, почти черными, манящими и пугающими одновременно. Я рассмотрела его волосы – такие гладкие и блестящие. Мечта любой девушки. Каким же средством он пользуется, что они так выглядят? Нужно будет поинтересоваться у него, пронеслась в голове глупая мысль, может и мои перестанут тогда торчать во все стороны.

Он просто стоял и смотрел на меня. Вернее, он смотрел в меня, прожигая насквозь. Я не могла пошевелить даже пальцем на руке. Но мозг продолжал сосредоточенно работать. Я бы даже сказала, что он работал с удвоенной силой. В голове вертелись одни и те же вопросы: Кто он? Что ему нужно от меня? Почему он так странно себя ведет? Но заговорить я не могла – голосовые связки словно парализовало.

Наверное, количество вопросов превысило допустимую норму, потому что внезапно в его взгляде промелькнула стальная искра, и я отчетливо услышала: «Тебе незачем этого знать. Ты – избранная». Слова прозвучали настолько явно, как будто он произнес их вслух. Только, при этом, он даже не шевельнулся и не приоткрыл рта.

Время замерло вокруг нас. Настенные часы в кухне молчали, с улицы не доносилось ни единого звука, не шумела вода в трубопроводе, не хлопали двери на лестничной площадке. Нереальная тишина, вакуум. Казалось, еще чуть-чуть, и нечем станет дышать, исчезнут остатки воздуха, и я потеряю сознание. Но ничего подобного не происходило. Напротив, физически я чувствовала себя замечательно. Усталость трудового дня куда-то испарилась.

Его взгляд опять полыхнул сталью, и мое сознание уловило: «Вот так живем мы. А что вы делаете со своей жизнью?». «Кто вы? И что мы делаем не так?», – хотела крикнуть я, но веки становились все тяжелее и, помимо воли, стали опускаться на глаза.

Проснулась я от звука открываемой двери. Уже утро, я и не заметила, как уснула вчера. Мама вернулась с работы.

– Опять спишь в обнимку с книгой, не раздеваясь? – устало проговорила она, опускаясь в кресло. – Ох и ночь выдалась. У Феде Лебедева поднялась высоченная температура, пришлось вызывать скорую. Ему сделали укол, и уснул он только через два часа, когда температура начала спадать. Маленький, он так плакал. Мне пришлось унести его из спальни, чтобы не разбудил других детей, и укачивать на руках.

– Пойду, приготовлю тебе завтрак, – сказала я, вставая с дивана.

– Нет, сначала я немного посплю, а потом уже все остальное, – зевая, ответила мама.

Я разобрала ей постель, и, едва добравшись до дивана, она уже крепко спала. Бедная мама! Как, наверное, ей тяжело работать по ночам. Да и днем она не давала себе возможности отдохнуть как следует. Всегда находились неотложные дела. Когда я устроилась на работу, мама перестала ходить мыть полы и торговать на рынке. Суставы у нее болели. Конечно, ведь на рынке в любую погоду нужно стоять, да еще и заинтересовывать покупателей, а мысли все только о тепле зимой и о прохладе летом. Хорошо хоть она не пристрастилась к горячительным напиткам, сначала, чтобы согреться, а потом, уже по привычке. Многие там увлекаются огненным змием. И осуждать их за это трудно. Но мама не такая. Она, вообще, всю жизнь старалась мне привить хорошие манеры. Учила правильно говорить, объясняла, что хорошо, что плохо. У нее высшее филологическое образование – русский и литература. Только учителем она уже давно не работает из-за мизерной зарплаты. Это раньше учителя и врачи достойно зарабатывали, считались интеллигентной прослойкой общества, а сейчас они занимаются мало оплачиваемым трудом и держатся на голом энтузиазме. А у мамы была я, которую нужно кормить и одевать.

Несмотря на то, что зарплата у меня небольшая, жить нам стало немного полегче. Раньше мы почти каждый месяц занимали деньги у соседки, Бабы Раи, до зарплаты. Сейчас мы это делаем в исключительных случаях.

Пройдя в кухню и усевшись в свой любимый угол, я стала вспоминать события вчерашнего вечера. На этот раз я отчетливо помнила, как он выглядел, все до мельчайших подробностей. Еще никогда в жизни не встречала такого красивого мужчину. Но в нем не было жизни. Он выглядел таким спокойным, безразличным ко всему, как машина, а не человек. И что он хотел сказать фразой: «Что вы делаете со своей жизнью?».

Во мне закипала ярость. Кто дал ему право так себя вести? Кем он себя возомнил? Тоже мне, супермен! И как он смеет лишать меня способности двигаться и говорить? Я так разозлилась, что представила себе, как вцепляюсь ему в волосы, и как выглядит при этом его прекрасное лицо. От этой мысли даже развеселилась. А еще сегодня суббота, на работу идти не надо, и можно весь день посвятить себе.

Я позавтракала, приготовила щи на обед и решила сходить в магазин – у меня закончилась тушь для ресниц, нужно было срочно ее купить.

Универмаг недалеко от нашего дома. Можно проехать две остановки на автобусе, но я решила пройти пешком. Тем более что погода выдалась неплохая. Температура поднялась до минус двадцати градусов, и ярко светило солнце. Мороз и солнце – день чудесный. Вот уж поистине. Не успела я дойти до конца дома, как услышала топот за спиной. Обернулась и увидела, как ко мне со всех длинющих ног несется Машка.

– Ух, как хорошо, что мы с тобой не разминулись, – задыхаясь, проговорила она. – Ну почему у тебя нет телефона? Пришлось тащиться через весь город. Ну, да ладно, прощаю. Слушай, у меня к тебе дело на миллион. Вчера вечером звонит мне тетка из Москвы и сообщает, что сегодня приедет мой брат – ее сын. Представляешь? Как ушат холодной воды на голову!

– Подумаешь, что тут необычного. Брат, все-таки, не жених, – пожалала я плечами.

– Да ты не понимаешь! Я его ни разу в жизни не видела. Тетка приезжала к нам пару раз, когда я еще была маленькая. А его с собой никогда не брала. Он у нее болезненным был ребенком, боялась в такую даль тащить. А теперь вот он приезжает, да еще и пожить у нас какое-то время планирует, исследования собирается проводить. Он вроде бы историк.

– Ну, хорошо, а я-то тут причем? – никак не могла взять в толк я.

– Как причем? Я что еще не сказала? Я хочу, чтобы ты поехала на вокзал со мной, его встречать.

– Ну, вот еще. Зачем я буду это делать? Тебе он брат. А мне кто? Он решит, что я ненормальная. Нет, не поеду я никуда, – решительно отказалась я.

– Ну, Лидочка, ну, воробышек, ну, пожалуйста. Мне кроме тебя больше не к кому обратиться. У Ленки сегодня обязательные факультативные занятия в школе. Пропускать никак нельзя. Понимаешь, у меня есть его фото, но он там еще в школе, классе в восьмом. Я вообще боюсь его не узнать. Ну, соглашайся, подруга, – умоляюще затараторила она.

– Да глупо как-то... Даже не знаю.

– Что глупо? Подругу поддержать? Все, решено, едем, – сказала она, хватая меня под руку.

– Да, подожди ты! – Я высвободила рукав пальто из ее цепких пальцев. – Во сколько нужно быть на вокзале?

– Ну, сейчас одиннадцать, а поезд прибывает в тринадцать двадцать.

– Ладно, уговорила, – согласилась я, хотя совсем не была уверена, что поступаю правильно. – Слушай, времени у нас еще предостаточно. Давай сходим в универмаг. Я тушь себе куплю, а то совсем нечем краситься.

– Ок. Погнали.

Поход в универмаг много времени не занял. Машка так волновалась, что гнала, как ненормальная. Ноги у нее длинные, шаги метровые. Я за ней еле попевала. Шататься по отделам мы не стали. Я это в принципе не люблю, а у Машки все мысли были заняты предстоящей встречей с братом. На обратном пути мы забежали ко мне домой. Мама еще спала, и я оставила ей записку, чтоб не волновалась.

Вокзал был совсем недалеко. У нас тут вообще все рядом. До прихода поезда оставалось еще десять минут, и мы переждали в здании вокзала. Поезд пришел по расписанию, стоянку объявили две минуты. Едва он остановился, на перрон выскочил высокий парень в спортивной куртке, потертых джинсах и с большой сумкой на плече. На голове у него красовалась кепка слегка набекрень.

– Могли бы догадаться, что желающих выйти здесь будет не так уж и много, – нервно хохотнула Машка. Она помахала рукой, чтобы он нас заметил. Хотя это было излишним. Из встречающих мы тоже были единственные.

– Привет, я Маша, твоя сестра, – сказала Машка, протягивая руку, когда он к нам подошел, – а это моя подруга, Лида.

– Привет. Тарас, – представился он, пожимая мою руку. Рука у него была теплая и стильная с длинными красивыми пальцами.

– Привет, – почему-то смутилась я.

– Ну что, поехали домой? – поторопила нас Машка.

– Может, на такси? – предложил Тарас.

– Да ты что! Такси у нас будешь ждать в два раза дольше, чем автобус. Это тебе не Москва, – засмеялась она и, подхватив нас под руки, потащила на остановку.

Только подошли, как подъехал автобус, и мы дружно загрузились в него.

По дороге домой Машка весело болтала с братом. Меня они тоже пытались втянуть в разговор, но я испытывала какую-то неловкость, не хотела им мешать. Нужно сказать, что мой опыт общения с молодыми людьми сводился практически к нулю. В школе я общалась со всеми парнями одинаково, никого не выделяя. Да и они мне платили тем же. А после школы у меня на это не осталось времени. И вообще, для меня люди делятся на две категории – те, с которыми мне легко разговаривать, и те, с которыми общение не клеится, с которыми трудно найти тему для беседы, чьи интересы совершенно не совпадают с моими. Тарас мне сразу понравился. Автоматически он попал в первую категорию. И хотя я почти всю дорогу молчала, поняла, что его общество мне приятно.

Когда мы подъезжали к моей остановке, они в два голоса стали приглашать меня в гости на чашку чая. Но я отказалась. Они родственники, им есть о чем поговорить, а я там буду только мешаться. Попрошавшись, я вышла из автобуса и отправилась домой.

Уже поздно вечером, лежа в постели, я вдруг подумала, что ни разу сегодня не вспомнила про таинственного незнакомца. Вот и хорошо. Совсем не уверена, что видела его на самом деле, и что это не является плодом моей фантазии. Иначе, в противном случае, я серьезно больна, и мне нужна помощь специалиста.

А ночью мне приснился Тарас. Он держал меня за руку. Мы болтали, как старые приятели – легко и непринужденно. И так мне было хорошо, как будто я его знаю уже много лет.

Глава 3

В понедельник утром Машка пришла на работу в новом полушубке из норки, который ей шел необычайно. Она прямо вся преобразилась – из длинноногого сорванца превратилась в очаровательную девушку.

– Откуда такая прелесть? – спросила Людмила Борисовна.

– Это мне тетка из Москвы обновку подогнала. Классная, правда? – с гордостью ответила Машка.

– Очень красивая и очень дорогая, – констатировала Людмила Борисовна. – Если хочешь, потом расскажу, как нужно ухаживать за мехом, чтобы он дольше прослужил.

Людмила Борисовна знала в этом толк. Она любила изделия из меха и умела их носить. А муж ей с радостью их покупал.

В обед Машка подошла ко мне и сообщила таинственным шепотом:

– А Тарасик-то на тебя запал.

– С чего это ты взяла? – вмиг покраснев, спросила я.

– Да он меня все время о тебе расспрашивал. Пришлось ему всю твою биографию рассказать, – хихикнула она.

– Не может быть. Я ведь и десяти слов при нем не сказала. Так разве бывает?

– Наверное, бывает. – Она картинно изогнула брови, от чего ее лоб смешно сморщился.

Странно. Я не избалована вниманием мужчин. Мимо меня обычно проходят, не оборачиваясь. Все время слышу рассказы, как к кому-то кто-то пристаёт в магазине, в кино, просто на улице. Нередко потом завязываются прочные и длительные отношения. Со мной такого никогда не случалось. Мама говорит, что моя красота совсем неброская, глубоко запрятанная, что ее нужно только разглядеть. «А тот, кто разглядит, уже никогда не посмотрит ни на кого другого». – Это слова мамы. Но пока еще никто даже не приглядывался. А тут что получается? Любовь с первого взгляда, что ли? Что-то слабо в это верится. Скорее всего, Машка ошиблась. Интерес Тараса вызван чем-то другим. Но все равно приятно хоть на минуту представить, что я кому-то смогла вскружить голову.

В среду, на Крещение выпадал мой день рождения. Девятнадцать лет – не круглая дата, но мама хотела ее отметить как следует – накрыть стол, пригласить гостей. Она попросила меня взять отгул на этот день, чтобы помочь ей, и велела позвать всех с работы к нам домой на праздничный ужин. Я так и сделала. Светлана Викторовна без проблем меня отпустила. Людмила Борисовна обещала ей поработать за меня. А вечером все дружно обещали прийти ко мне на День рождения. И даже дядя Гриша сказал, что договорится с товарищем, и тот его подменит.

Утром в среду я убралась в квартире – вычистила каждый угол. Мама встала рано и уже вовсю хлопотала на кухне. Я решила испечь свой любимый торт – «Наполеон». Пока готовилось тесто, я помогала маме с другими блюдами. Ради такого случая, все запасы из нашей кладовки пошли в ход. Помидоры, огурцы по маминым фирменным рецептам, вкуснее я еще ни у кого не пробовала, лечо и салат под молдавским названием «Гивеч» – из баклажанов, перца, помидоров и репчатого лука. Стол обещал получиться знатным.

К шести часам у нас уже все было готово. Гости были приглашены к половине седьмого.

Первыми пришли Людмила Борисовна с супругом – оба красивые и влюбленные. За ними – Светлана Викторовна с мужем. Дядя Гриша пришел с гитарой и принес настоящий ананас, чем привел меня в полный восторг. Он защекотал меня усами, когда целовал, по русской традиции три раза. Не было еще только Машки. Тут, как раз, раздался звонок в дверь, и я побежала открывать. На лестничной площадке стояла Машка со связкой из надувных шариков, а

рядом с ней Тарас с букетом моих любимых цветов – маленьких розочек чайного цвета. Вид у Машки был слегка виноватый.

– Вот это сюрприз! – воскликнула я, пропуская их в квартиру. – А где вы взяли такие цветы? У нас их почти нигде нельзя купить, да еще и зимой?

– А вот это секрет, – ответил Тарас. Он слегка картавил, и у него это так здорово получалось.

– Лид, ты меня извини. Но он был очень категоричен, когда узнал, что я иду к тебе на День рождения. Заявил, что пойдет со мной, – шепнула мне Машка, пока Тарас разувался.

– Не волнуйся, мне даже приятно, – успокоила я ее.

Войдя в комнату, я перезнакомила Тараса со всеми гостями, и мы стали рассаживаться за стол.

Как же это здорово – отмечать свое девятнадцатилетие с близкими людьми. Тарас на удивление легко вписался в нашу компанию. Он ни на минуту не замолкал, все время шутил и сам весело смеялся над своими шутками. Мне нравилось наблюдать, как улыбка преобразует его лицо, обнажая все тридцать два зуба. На щеках появляются очаровательные ямочки, и глаза становятся очень добрыми. И одет он сегодня как-то торжественно: строгие черные брюки и светло-серый пуловер с V-образным вырезом, из-под которого выглядывает воротничок белой рубашки.

Людмила Борисовна взяла на себя роль тамады. Она заранее приготовила фанты с заданиями. Каждый тянул по одному, и выполнял то, что велел фант. Смешнее всего было, когда выпадал фант с приказанием расхвалить нос или ухо соседа, сидящего справа. Нужно не просто нахваливать, а чтобы это выглядело впечатляюще, красочно. Вот тогда народ изощрялся. Дядя Гриша про мамины глаза спел отрывок из песни Юрия Шевчука, аккомпанируя себе на гитаре:

А твои, твои глазища, словно имя на заборе,
Я согласен выпить море, лишь бы доползти до днища.
Разгулялася природа, при деньгах, а снова нищий,
Продолженья просят рода, эти чертовы глазища.

Так здорово у него это получилось! Он лихо копировал голос Шевчука – низкий и с хрипотцой. Мы ему все дружно аплодировали, а мама смутилась, как девочка, густо покраснев. Людмила Борисовна, расхваливая нос мужа, немного посетовала на то, что стоит ей слукавить, как муж носом чует ложь за версту. Даже пустяковые женские секреты невозможно утаить от него. «Смотри, – сказала она в заключение, – сбежит от тебя нос, как у Гоголя от Ковалева, что тогда будем делать?» Тарасу выпало спеть что-нибудь, и он пропел веселые частушки, лихо выбивая в такт по столу руками. А Светлана Викторовна нас просто удивила – она продекламировала замечательные стихи, которые оказались ее собственными. Я и не знала, что она пишет стихи, да еще какие.

Еще было много конкурсов – кто быстрее надует шарик, а потом лопнет, сев на него сверху; кто нарисует самую страшную рожу или сделает самую красивую фигурку из бумаги. По окончании всех конкурсов победителю доставался главный приз – поцелуй именинницы. Мне часто приходилось целовать Тараса, отчего я постоянно смущалась, а он радовался, как ребенок и в самый последний момент подставлял губы вместо щеки и сам целовал меня. Я краснела, как рак в кипятке, чем веселила всех присутствующих. Хотя, честно сказать, мне нравилось участвовать в таком жульничестве. В этом было что-то возбуждающее.

Мы даже умудрились станцевать на маленьком свободном пяточке комнаты. И, конечно же, моим кавалером оказался Тарас. Мама лихо выплясывала в паре с дядей Гришей, оказавшимся неплохим танцором, а Машка показала нам просто чудеса хип-хопа.

Одним словом, день рождения удался. Столько хороших слов было сказано про меня и маму. Жалко только, что все хорошее когда-нибудь заканчивается, и ближе к двенадцати гости засобирались уходить. Мы с мамой их немного проводили и, не спеша, возвратились домой.

– Хорошо было, да, мам? – спросила я, зевая во весь рот.

– Да, мне очень понравилось. А твой Тарас всех просто очаровал, – мама улыбнулась, ласково глядя на меня.

– Мам, он не мой, а Машкин, – запротестовала я.

– По-моему, ты ему нравишься. Иногда, он так на тебя смотрел. – Под ее взглядом в памяти всплыли подробности вечера, но, почему-то, не хотелось делиться впечатлениями. Хотелось посмаковать их в одиночестве.

– Не начинай, мам, и ты туда же, – решила я прервать едва начавшийся разговор. – Давай лучше убирать со стола и спать.

Мы быстро все убрали, перемыли посуду, и, чмокнув маму, я отправилась спать.

Войдя в комнату, сразу заметила сияние. Включила свет. На письменном столе стоял, если можно так сказать, большой, сантиметров пятнадцать в диаметре, белый шар и отливал перламутром. Будучи абсолютно круглым, он не двигался и не скатывался, как будто его привинтили к столу. Какая красота! От его света на стенах появлялся причудливый волнообразный узор.

Подойдя ближе, я увидела лист бумаги из моей школьной тетрадки, на котором было написано каллиграфическим почерком: «Следуя вашим традициям, поздравляю тебя с Днем рождения! Это регулятор эмоций. В любое время, когда тебе будет плохо или что-то заставит сильно разволноваться, прикоснись к нему обеими руками, и сразу почувствуешь облегчение. Он сделан специально для тебя. Любой другой человек, дотронувшись до него, ощутит только гладкую поверхность холодного пластика. Вы очень странные существа: шумите, смеетесь, говорите все сразу и вам это не мешает».

Да что же это?! Значит это вовсе не сон. И не воображение так шутит со мной. Все происходит на самом деле? Но что именно происходит? Кто этот парень и что ему нужно от меня? Он не желает мне зла, я это точно знаю. Ничего плохого он мне не сделал, он вообще ничего не делает, просто наблюдает, изучает.

Ой!.. Ведь, он был тут, сегодня. Все слышал и видел. А я даже ни о чем не догадывалась. Получается, он может появляться в любой момент и не показываться? От этой мысли щеки мои запылали. Мне стало ужасно стыдно. Но потом я разозлилась. Чего я стыжусь? Пусть стыдно будет ему! Это он вторгается в мое личное пространство, в мою жизнь, в мой быт, в мои мысли, в конце концов. Он нарушает спокойное течение моей жизни. И, если раньше я думала, что это могло быть сном, то сейчас была уверена в обратном, и шар на моем столе являлся прямым тому подтверждением.

Я посмотрела на странный подарок, сердце билось так, что готово было выскочить из груди. Даже в ушах отдавались его удары. Руки сами потянулись к шару. Я неуверенно прикоснулась к нему и почувствовала, как пальцы слегка погрузились, словно втопились, в его поверхность. Не ощутила ни тепла, ни холода, вообще ничего. Зато в душе сразу же начались превращения. По телу разлилось тепло, сердце успокоилось, руки перестали трястись, голова стала ясной, и мысли потекли спокойно. Как будто я только что пробудилась после продолжительного и приятного сна.

Ощущения были такие же, как при зрительном контакте с незнакомцем. Впрочем, незнакомцем я его уже не считала. Он стал какой-то частью меня самой. Состояние умиротворения не исчезло, когда я убрала руки от шара. Как удивительно хорошо я себя чувствовала! Регулятор эмоций? Ему больше подходит название «сказочные эмоции» – так мне было хорошо. Я забралась в постель и потушила свет. Только шар на столе продолжал светиться в темноте.

Мне казалось, что после всего пережитого не смогу уснуть, но меня тут же накрыла волна сна – крепкого и без сновидений.

Глава 4

Вот уже и февраль. Это самый неуютный месяц в году. Почти все время дует ветер. Часто идет снег. Тогда, на шаг впереди ничего не видно. Иногда ветер такой сильный, что страшно выходить на улицу.

Солнца в этом месяце почти не бывает видно. Небо все время затянуто темными снеговыми тучами. Из-за этого поздно светает и рано темнеет. И хотя февраль ближе к весне, я люблю его меньше января.

Хорошо бы просидеть весь месяц дома в тепле, никуда не ходить, читать или просто валяться на диване, ничего не делая. А лучше вообще проспять весь месяц, как медведь в берлоге. Проснуться, а на улице уже март. И хотя март у нас еще тоже зимний месяц, но солнце выглядывает все чаще, греет сильнее, птицы громче щебечут, и настроение уже все равно весеннее.

Я мужественно боролась с приступами плохого настроения. Работала, занималась домашним делами, ходила по магазинам. Самой смешно, но веду себя, как ребенок. Это малыши все время капризничают, реагируя на плохую погоду, испытывают недомогание. И я туда же.

В эту ненастную пору мы очень сблизились с Тарасом. Он часто приглашал меня в кино, в кафе или просто погулять, если погода позволяла. С ним мне было интересно. Он много рассказывал о себе, своей семье, об учебе в университете, смешил меня студенческими историями, делился планами.

Он занимается изучением жизни старообрядцев. Это его и привело к нам. Где-то недалеко от нашего городка, в тайге, находится небольшой скит – отдельное маленькое поселение староверов. Говорят, они ушли в лес с приходом советской власти. Уже почти сто лет они живут там, не желая ничего менять. В город почти не выбирают. Не понимаю, как можно обходиться без элементарных плодов цивилизации. Есть вещи, без которых трудно представить себе современную жизнь, например, радио, телевидение, книги, наконец. Но, может, они вообще не знают, что это такое? Они, наверное, совсем дикие, как первобытные люди.

Весной, когда сойдет снег, Тарас планирует навестить в гости к староверам. Хочет пожить у них, чтобы лучше узнать особенности их быта. А пока он собирает сведения из архивных документов, газет, из устных бесед с людьми, которые могут что-то знать об этой семье. Анализирует и записывает все это.

Мы отлично дополняли друг друга. Тарас умел красиво рассказывать, а моим главным талантом становилось умение слушать. Наверное, поэтому нам было так легко вместе.

На фоне его жизни, наполненной впечатлениями, моя казалась скучной и неинтересной. Кроме единственного раза, когда мы с мамой ездили в Хабаровск к нашему родственнику – маминому дяде, я больше нигде не была. В Хабаровске мне приоткрылся другой мир, в котором кипела жизнь. Мне там очень понравилось. Такой большой, красивый и современный город. Не то, что у нас, где почти все друг друга знают. А какое удовольствие мне доставило путешествие на поезде. Так здорово было смотреть в окно, на проплывающие мимо маленькие деревеньки, поля, леса, и засыпать под равномерный стук колес.

Тарас, в отличие от меня, много путешествовал. Где он только не был: объездил почти всю Россию, часто бывал за границей. Больше всего его пленили Испания и Италия своими памятниками древности и архитектуры. Я впитывала каждое его слово, отчетливо представляя описываемую им красоту. Я как будто сама там побывала. Тарас – настоящий фанат своей профессии. Глаза загораются, когда он что-то рассказывает. В такие моменты он весь меняется, погружается в воспоминания с головой. Мельчайшие подробности хранятся в его памяти. В такие минуты мне нравилось наблюдать за ним потихоньку. Иногда, глядя на него, я теряла нить повествования, настолько меня захватывал он сам.

Как-то я спросила, есть ли у него девушка в Москве?

– Есть, – немного подумав, ответил Тарас, – мы вместе уже пять лет. Живем вместе. Но, честно говоря, не знаю, зачем мы это делаем. Она геолог. Ее жизнь – сплошные разъезды. И моя тоже связана с путешествиями. Но, наверное, нас обоих это устраивает. Вот и живем. Мы с ней уже давно, как брат и сестра. – Произнеся это, он внимательно посмотрел на меня. Но больше ничего не добавил.

Я тоже промолчала. Что тут можно сказать? Немного огорчилась, что у него есть девушка. Наверное, потому что он мне нравился, что он первый разбудил во мне подобные чувства.

С каждым днем Тарас становился мне все ближе. Он разнообразил мою жизнь. Машка даже немного ревновала. Говорила, что я его вижу чаще, чем она. Мы, и правда, виделись почти каждый день. Он встречал меня с работы, и мы отправлялись гулять или прятались где-нибудь в тепле от непогоды. Поздно вечером он провожал меня до квартиры, а на следующий день все повторялось. Я ждала новой встречи с нетерпением. Поэтому, когда он мне сказал, что должен уехать на две недели в Москву, я чуть не заплакала от огорчения. Попыталась скрыть от него реакцию, но он все равно почувствовал.

– Ну ты чего, воробышек? – Ну вот, и он туда же. – Я же скоро приеду. Две недели пролетят быстро, ты даже не заметишь, – взяв меня за руки, быстро проговорил он.

Потом обнял меня и прижал к себе. И долго держал так, не отпуская. А мне было так уютно и тепло. На улице воеет ветер, а я в надежном укрытии. Но когда Тарас меня отпустил, опять стало неуютно и холодно. И, наверное, это отразилось на моем лице, потому что Тарас вдруг наклонился и поцеловал меня. Губы у него были ласковые и теплые. Руки совсем по-другому обхватили меня и нежно притянули к себе. У меня закружилась голова. Это был первый поцелуй в моей жизни. А он, как будто испугавшись, быстро прекратил его и немного отстранился. Но, посмотрев мне в глаза, тут же притянул обратно, и второй поцелуй стал уже долгим, страстным и требовательным.

– Если бы ты знала, как давно я хотел это сделать. Только боялся, что ты не позволишь, – сказал он, не выпуская меня из объятий.

– А разве в таких случаях спрашивают разрешения? – спросила я, когда смогла заговорить.

– Когда приеду, мы это сделаем еще раз. Ты согласна? – Он прижал меня еще сильнее.

– Да, – только и смогла прошептать я, хотя душу и защемило от его слов.

И вот он уехал. А я осталась, и потекли мои скучные будни без Тараса и без его рассказов.

Как-то раз, возвращаясь с работы, я поскользнулась во дворе своего дома и растянулась во весь рост. Бедро пронзила боль. Еле поднявшись, я с трудом доковыляла до квартиры.

Дома разделась, оглядела себя и поняла, что будет огромный синяк. И тут мне вдруг стало так жалко себя, что я горько разрыдалась.

Я плакала, думая о том, как однообразно и неинтересно живу. Жалела себя все сильнее. В итоге, стало так противно, что я принялась ругать себя мысленно, не переставая при этом плакать.

Ругала себя за то, что такая слабая. Жизнь-то все время меняется. Вот и в моей появилось что-то хорошее, что пробудило во мне жажду постоянства. Но ведь все, что создает время, непостоянно. То, что я испытываю, это кратковременное переживание, которое есть у меня сейчас. Встречи с Тарасом настолько интересны, что я хочу их переживать вновь и вновь. Но это лишь мое желание, которое я в себе выращиваю. Тоска о том, что могло бы произойти между нами, не позволяет мне наслаждаться настоящим. Я уже начала жить воспоминаниями. А этого нельзя делать. Все сведется к тому, что я буду пытаться продлить вчерашний день, получая подпитку из памяти, не обращая внимания на настоящее. Возможно, это происходит из страха перед будущим.

От всех этих мыслей мне стало совсем дурно. Голова раскалывалась от боли и переполненности мыслями.

Тут я вспомнила, что у меня есть супер средство от плохого настроения. Надо сказать, что со Дня рождения, я еще ни разу не прибегала к его помощи, в ней просто не было необходимости. Был Тарас, и он не давал мне скучать. А сейчас я почувствовала, что помочь мне может только шар.

Я прохромала в комнату, села на стул и дотронулась до волшебного подарка. И моментально почувствовала облегчение. Ушли страхи, опасения, печали, чувства стали светлыми и радостными, и даже физическую боль я перестала ощущать.

Вот это да! Да это самый лучший подарок в жизни! А главное, какой полезный – и мне хорошо, и окружающим со мной легче. Не буду срывать ни на ком плохое настроение. «Спасибо тебе еще раз, таинственный незнакомец», – мысленно поблагодарила я, убирая руки от шара.

Весь вечер я находилась в приподнятом настроении, носилась по квартире, как метеор, в попытке все переделать. В итоге, я убрала квартиру, перегладила белье, приготовила еды на два дня и перемыла посуду. И у меня еще оставалось время, чтобы почитать.

Ночью, лежа без сна и борясь с грустными мыслями, я отчетливо услышала:

– Что ты сейчас испытываешь? Стеснение духа, томление души, мучительную грусть?

– Что? Кто это? – вслух произнесла я, вскакивая с кровати и включая свет.

Комната была абсолютно пуста. Я поняла, что слова прозвучали в моем сознании, что вслух их никто не произносил. Голос четко охарактеризовал мои чувства. Именно это я и испытывала.

– Значит, это тоска, – опять услышала я. – Но почему ты тоскуешь? Вселенная так богата, в ней есть все. И ты можешь получить все, чего бы ни пожелала. При желании, любую мечту можно воплотить в реальность.

Мне бы такую уверенность. Я совсем не чувствовала себя всемогущей. Привыкла довольствоваться тем, что имею.

– Жалость к себе – это самое меньшее из того, что ты можешь сделать, – продолжал голос. – Ты пытаешься перехитрить себя. Это делает тебя только слабее. У вас есть такая притча: «Однажды по дороге шла толпа людей. Каждый нес на плече свой крест. Одному человеку казалось, что его крест слишком тяжел. Это был хитрец. Приотстав от всех, он зашел в лес и отпилил часть креста. Довольный, что обхитрил других, он догнал их и пошел дальше. Вдруг на пути возникла пропасть. Все положили свои кресты, и перешли, а хитрый человек остался, его крест оказался коротким». С трудностями нужно бороться, а не уходить от них, жалея себя.

Это что, какое-то мысленное внушение? Тот, кто все это продельвает, знает меня гораздо лучше, чем я сама. Догадываюсь, кто это может быть. Опять таинственный незнакомец, свалившийся на мою голову неизвестно откуда. Теперь, он еще и воспитывает меня.

– Я просто хочу, чтобы тебе стало легче, – услышала я. – Большого опыта в подобных переживаниях у тебя еще нет. Так что, занимайся делом, а не философствованием о еще не существующей проблеме. Не делай пустяк главным объектом своего ума. Оставь это всецело пространству сердца. В вашем мире – это его прерогатива.

Ничего себе, заявочки! Это почти развеселило меня. Как у него все просто получается. Не делай так. Сделай эдак. Если бы все было так легко. Стала бы я переживать тогда. Но, в итоге, он добился желаемого – настроение мое резко улучшилось. Я крепко заснула, обняв руками подушку, и не просыпалась до самого утра, пока не прозвенел будильник, сообщая, что пора идти на работу.

Какая же я, все-таки неустойчивая личность. Ведь, все было так хорошо. Я почти убедила себя, что не буду хандрить, что прислушаюсь к советам незнакомца и буду радоваться настоящему. Но стоило только Машке сказать о звонке Тараса, что неотложные дела заставляют

его задержаться в Москве до конца марта, я сразу раскисла. В голову тут же пришла мысль, что приехала из экспедиции его девушка, и они решили вместе провести это время, раз уж есть такая возможность. Это окончательно испортило настроение, радужная перспектива жить настоящим поблекла.

Глава 5

Все сказанное незнакомцем – правда. Вот так живешь спокойно, размеренно. Делаешь изо дня в день примерно одно и то же. Радуешься чему-то незначительному, будь то купленная навоя вещь или поход в кино с подругой, или чей-нибудь день рождения. Читаешь новую интересную книгу и радуешься, что и в наши дни есть талантливые писатели. Счастливо живешь в своем маленьком мире. Довольна тем, что есть любящая мама, которая всегда рядом, хорошая работа хоть и с небольшим, но стабильным заработком, друзья, способные поддержать в трудную минуту. Радуешься просто тому, что живешь в этом мире и являешься полноценным его членом.

Но появляется человек, который начинает что-то значить для тебя. Он заставляет тебя по-новому взглянуть на окружающий мир. Этот человек много видел, от него ты узнаешь кучу всего интересного. Постепенно, ты все больше и больше думаешь о нем. С нетерпением ждешь встреч. Твоя жизнь наполняется новым смыслом. Краски вокруг становятся более яркими, насыщенными. То, что ты любила раньше, начинаешь любить еще больше. Ты получаешь удовольствие от всего только потому, что он тоже имеет к этому отношение.

А потом этот человек уезжает. И жизнь замирает в ожидании его. Ты продолжаешь заниматься повседневными делами, но мысли только о нем. А дальше ты узнаешь, что он не придет через две недели, а задержится еще на месяц, а может и больше. Тогда становится еще хуже. Ты итак долго терпела. И ты чувствуешь, что выдохлась, что сил терпеть больше не осталось.

Дальше ты заставляешь себя жить как обычно. Делаешь вид, что все в порядке, что ты в норме. Никто не знает, как сильно ты переживаешь, просто потому, что никто не знает о ваших с ним отношениях. Тебе совсем не с кем поделиться.

Не потому ли все это происходило со мной, что я слишком мало знала? Неужели мне достаточно одного ласкового взгляда, чтобы все пошло не так? Такое ли чувство называется любовью? Я не знала ответов на все эти вопросы, но чувствовала, что настоящая любовь способна сотворить еще и не такое.

Наступил март. Было по-прежнему холодно. Я бы сказала свирепо. Зима никак не хотела сдавать свои позиции и уступать место весне. Дул сильный ветер, держались морозы. Редко-редко пробивалось робкое солнце и тут же пряталось за снеговыми тучами.

Я почти каждый вечер прибегала к помощи регулятора эмоций. Но утром все возвращалось, и я едва дождалась вечера. Боялась так часто пользоваться этим волшебным устройством, опасалась, что привыкну и не смогу сама справляться с плохим настроением.

– Почему ты сидишь все время дома? Почему не сходишь к Маше или еще к кому-нибудь? Что-то не так? У тебя все хорошо? – как-то спросила меня мама. Ее обеспокоила моя безучастность ко всему.

– Да все нормально, просто настроения нет гулять в такую погоду. – Я пыталась отвлечь ее – отвечала как можно легкомысленнее.

– Нет, я чувствую, что с тобой что-то происходит. Не хочешь поделиться?

Похоже, она решила не отступать и выведать у меня все.

– Mam, ну, правда, все хорошо. Не переживай за меня. – Я даже выдавила улыбку, произнося это.

– А почему Тарас так долго не приезжает? – спросила она.

И тут я не выдержала, на глаза навернулись слезы. Поспешно отвернулась, но мама все равно заметила.

– Я догадывалась, что в этом все дело. Бедная моя, ты влюбилась в Тараса? – Она присела рядом со мной на диван.

– Да я и сама не знаю, – проговорила сквозь слезы. – Наверное, нет. Только, отчего-то мне плохо, а почему – не знаю.

– Возможно, ты просто стала взрослой, – улыбнулась мама. – В тебе начали просыпаться эмоции, для которых раньше ты была слишком мала?

– Не знаю, – шмыгнула я носом, – возможно. Тогда, почему я все время думаю о нем?

– А о ком же тебе еще думать? – удивилась мама. – Он, ведь, парень, с которым ты встречаешься?

– Да мы просто гуляем вместе. Разве это называется встречаться?

– В наше время это так называлось, – она призадумалась. – Времена меняются, а люди – нет. Вы сейчас точно так же чувствуете, как мы раньше.

– Может, это просто авитаминоз, или еще недостаток чего-нибудь?

Услышав это, мама рассмеялась.

– Глупышка ты моя. – Она обхватила меня за плечи и прижала к себе. – Я думаю, что это просто весенний всплеск эмоций. Скоро придет Тарас, и все будет хорошо. Когда он обещал вернуться?

– Сказал, что к концу марта, но я уже не уверена. Машка молчит, ничего про него не рассказывает.

– Ну не переживай ты так. Сама подумай – Москва далеко. Ведь у него серьезная работа. Мало ли что там могло случиться. Может, его еще куда отправили. – Мама слегка раскачивала меня из стороны в сторону.

– Но он ведь мог хотя бы написать? Правда? – не успокаивалась я.

– Что тут скажешь? У мужчин мозг совсем по-другому устроен, нежели у нас. Они обо многом просто не думают. Он, ведь, не знает, что тебе тут так плохо без него. Знал бы, обязательно написал. Все, не переживай. Лучше, займись чем-нибудь, и время пролетит быстрее.

Мама права – Тарас занят интересной работой. Это у меня уйма свободного времени, а у него его, наверное, и не бывает. Нужно просто подождать. В конце концов, месяц – не год, пролетит быстро.

После разговора с мамой мне стало немного легче. Я решила сходить к Машке в гости. Нужно будет завтра спросить, какие планы у нее на выходные?

Не успела я на следующий день подойти к Машке, как она сама подлетела ко мне:

– Лидка, я познакомилась с потрясающим парнем. Он из Новосибирска, приехал сюда к родственникам на несколько дней. И представляешь, его родственники – это наши соседи по лестничной площадке. Вчера мы с ним столкнулись на лестнице. Причем, он мне случайно заехал сумкой по голове, да так, что у меня искры из глаз посыпались. Точно свалилась бы, не поддержи он меня. А потом слово за слово... В общем, завтра у меня с ним свидание. Куда пойдем, еще не знаю. Решим на месте. Ой, Лидусик, я, кажется, втюрилась по уши. Он такой классный! Просто улет какой. Настоящий красавчик.

– Здорово. Поздравляю, – без энтузиазма произнесла я и поняла, что планы на выходные надо пересматривать. С Машкой их провести не удастся. А она аж приплясывала на месте, так ей было хорошо. Везет... Чем же мне заняться? Мама должна думать, что у меня все в порядке, значит нужно куда-нибудь уйти из дома, хоть ненадолго.

– Лид, ты чего такая сердитая? Могла бы порадоваться за подругу, – услышала я обиженный голос Машки.

– Да что ты, Маш! – Я натянула на лицо улыбку. – Я правда очень рада за тебя. Просто завтра хотела напроситься к тебе в гости. Вот и задумалась, чем заняться.

– Правда? Ну вот. Как-то по-дурачки получается, – несильно огорчилась она.

– За меня не переживай. Я что-нибудь придумаю. А тебе желаю хорошо провести день. Потом расскажешь, как все прошло.

– Конечно, расскажу, разве я смогу удержаться. Ты же меня знаешь.

Я принялась усиленно размышлять. Что же такое придумать? Куда бы сходить, чтобы мама не расстраивалась и не задавала опять вопросы? Ничего путного в голову не лезло. Кроме книжного магазина ничего не могла придумать. Но это займет всего ничего времени. Ну, максимум я там пробуду час, дольше там нечего делать. Это ведь не читальный зал. А, может, сходить в библиотеку? У нас их две в городе, и в обеих у меня есть абонемент. Но эта мысль мне тоже не понравилась.

Тем временем, рабочий день подходил к концу. Так ничего и не придумав, поплелась домой. Что-то я сегодня устала – тело ломило и суставы выкручивало. Придя домой и, проводив маму на дежурство, я пораньше улеглась спать.

Среди ночи проснулась от сильного озноба. Зуб на зуб не попадал, тело сотрясалось. Толстое шерстяное одеяло казалось простыней. Оно вообще не согревало, я куталась в него, как в кокон. Наверное, поднимается температура. Только этого и не хватало. Нужно встать, пройти на кухню, измерить температуру и выпить лекарство. Но я не могла даже пальцем пошевелить. С трудом представляла, как буду вылезать из-под одеяла.

Так и лежала какое-то время. Постепенно меня перестало трясти, а стало, напротив, жарко. Я вся горела, голова свинцовая и жутко болела. Кое-как я выбралась из постели и пошла на кухню. Достав термометр, засунула его под мышку. Через пять минут убедилась, что температура у меня тридцать девять и пять. Ужас! Давно я так не болела.

Выпив таблетку, вернулась в кровать. Там стала добросовестно ждать, когда температура начнет спадать. Долго не было никаких изменений. Периодически я забывалась коротким сном и видела кошмары: будто мое одеяло сжимается в маленький комочек и постоянно от меня ускользает. Я просыпалась, потом опять засыпала и видела тот же сон. Ночь казалась бесконечной. Постепенно, я начала потеть и, наконец-то, заснула крепким сном.

Утром проснулась, когда мама пришла домой. Я была вся мокрая, но уже опять начинало лихорадить. И еще на теле я обнаружила странную сыпь – маленькие водянистые пузырьки, которые сильно чесались. Мама тут же вызвала врача. Температура у меня уже опять поднялась. Пузырей становилось все больше. Тело зудело.

Врач пришел после обеда. К этому времени я уже вся покрылась сыпью. Она была даже на голове, под волосами. Посмотрев горло, измерив температуру и осмотрев меня, врач сразу поставил диагноз – ветряная оспа. Оказывается, я не болела ею в детстве, и иммунитета против нее у меня не было. А заразиться этой болезнью легко. Достаточно контакта с человеком, у которого дома кто-то болеет ветрянкой. А моя работа сплошь состояла из контактов с людьми.

– В детстве это заболевание переносится сравнительно легко. Сыпи, как правило, много не бывает, и температура держится дня три. Иногда, заболевание протекает без температуры. Но чем старше человек, тем тяжелее течение болезни. Придется тебе потерпеть, дорогуша, – сочувственно произнес доктор. – Может быть, тебя госпитализировать, чтобы ты была под наблюдением?

От госпитализации категорически отказалась. Один раз в детстве я лежала в больнице – удаляли аппендицит, и воспоминания об этом у меня остались отвратительные. Холод, тараканы, запах медикаментов и не очень ласковые медсестры.

Врач выписал рецепт, назначил обильное питье, каждые четыре часа сбивать температуру, прижигать сыпь зеленкой и сказал, что придет в конце следующей недели. У меня теперь домашний карантин. Никуда нельзя выходить и ко мне тоже никому нельзя.

Как же все зверски чесалось! Хотелось расцарапать тело до крови. Но мама сказала, что если я буду расчесывать, на теле на всю жизнь останутся рубцы.

Зеленкой меня можно было просто облить, а не мазать каждый прыщик, как делала это мама. Их становилось все больше, и нужно было не забывать мазать новые. Врач сказал, что через три дня они начнут присыхать и главное не сдирать болячки, а то останутся шрамы.

С постели мне вставать не разрешалось, да и не хотелось. Читать я не могла потому, что жутко болела голова. Старалась, как можно больше спать, но и это не очень хорошо получалось.

Через три дня высокая температура уже не поднималась. Максимум тридцать семь и пять. Хоть какое-то облегчение. Только тело продолжало нещадно чесаться. На ночь я пила успокоительное, а вот днем было тяжелее всего.

Как-то раз мама ушла по магазинам, а потом на рынок, а потом еще собиралась зайти к подруге. Я осталась одна. Устроившись полулежа в кровати, читала книгу. В какой-то момент оторвалась от книги и увидела его. Я даже не почувствовала его приближения.

Он стоял возле кровати такой красивый и высокий. На нем был опять необычный комбинезон, но только цвета кофе с молоком. Он оттенял его неестественно синие глаза. Они сегодня не горели, а просто внимательно за мной наблюдали.

Я с удивлением заметила, что могу свободно двигаться и говорить. Так обрадовалась его появлению, что немедленно расцвела в улыбке. Ну и видок у меня был, наверное. Голова немытая, лохматая, вся в зеленке и радостно улыбаюсь. От этой мысли мне стало еще смешнее. Как ни странно, его я не стеснялась. Все равно, как я выгляжу. И ему рада.

– Привет, – с опаской произнесла я.

– Привет, – ответил он. Голос у него был низкий и приятный, и самый что ни на есть человеческий.

Я подвинулась, и он присел на кровать.

– Ты кто? – спросила я.

– Человек.

– Но ты не похож на обычного человека.

Странное чувство испытывала, как будто делаю что-то запрещенное.

– И тем не менее, я всего лишь человек.

– А имя у тебя есть, человек? – Меня стала немного забавлять наша беседа.

– Как и у всех людей. Меня зовут Дронд.

Когда он говорил, черты его лица оставались совершенно неподвижными. Мимика полностью отсутствовала.

– Очень необычное имя для человека, – задумчиво произнесла я. Скорее, похоже на кличку.

– А тебя зовут Лида. Вот и познакомились. – Это прозвучало, как приговор.

– Откуда ты взялся? Ты ведь не из нашего города? – спросила я.

– Нет, я не отсюда. Неважно, откуда я. Пока еще рано рассказывать. Со временем ты все узнаешь.

Он говорил ровно, не меняя интонации. Весь его вид внушал спокойствие. Глаза не выражали ничего, кроме внимания. В отличие от него, я постоянно отводила взгляд, боясь опять попасть под его гипнотическое воздействие, и ладони мои нещадно потели. Я ими все время елозила по одеялу.

– В прошлый раз мы общались по-другому. Ты и сейчас читаешь мои мысли? – спросила я, потому что молчание затянулось.

– Нет. Сейчас я настроился на голосовое общение. Поэтому, я слышу только то, что ты говоришь. Если бы я читал мысли, ты бы не могла шевелиться и говорить, – очень спокойно подтвердил он мои опасения.

– Ты гипнотизер?

– Ну, можно и так сказать. У меня есть такие способности.

Хоть бы улыбнулся, что ли. Меня начинало бесить его спокойствие.

– Спасибо тебе за подарок, – немного резко произнесла я. – Он мне здорово помогает.

Где ты его взял?

– Я его сам сделал специально для тебя. Ты чересчур эмоциональная и иногда не можешь контролировать свои эмоции, что может привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому я и подарил тебе регулятор. Ты правильно его используешь, только тогда, когда без него не можешь обойтись.

– А почему ты?.. Почему ты... следишь за мной? И как ты появляешься в разных местах? Почему я? И что тебе от меня нужно?

Я растерялась. Не хотелось ему грубить, но задать все эти вопросы я должна была.

– Я не слежу, а наблюдаю за тобой. Ты являешься объектом моих исследований. Уровень твоих эмоций намного превышает средний уровень обычного человека. Меня это заинтересовало. Скажем так, я пишу научный труд, посвященный эмоциям. Я не сделаю тебе ничего плохого. Напротив, я – твой друг и буду стараться тебе помогать, в чем смогу. А еще, работа твоего мозга во многом схожа с работой моего. И я могу абсолютно точно настроиться на твою волну и смотреть на мир твоими глазами. А появляться незаметно очень просто. Достаточно притупить твою бдительность, чем-нибудь отвлечь. Ты очень восприимчива, тобой легко манипулировать.

Ничего себе заявочки. Это, по меньшей мере, обидно, а по большей – сильно выводит из себя. Я грозно на него посмотрела, но он даже бровью не повел.

– Ты знаешь все обо мне? Все, что со мной происходит? – почему-то краснея, спросила я.

– Да. Абсолютно все. Я ни на минуту не перестаю за тобой наблюдать. Но ты зря смущаешься. Твоя жизнь так же естественна, как и жизнь любого другого живого существа. И ты в этой жизни очень естественна.

Я мало что поняла и засмушалась еще сильнее. Получается, он видит все, чем я занимаюсь. От этой мысли мне стало совсем дурно.

– Если бы ты оказалась у нас и увидела, как мы живем, то все поняла бы. А сейчас я не могу объяснить доходчивее. Просто забудь об этом, не думай. Это не стоит твоих переживаний. Если бы я мог лгать, я бы солгал тебе. Еще, я вижу, что зуд причиняет тебе страдания. Отчасти, поэтому я сегодня и пришел. Могу избавить тебя от зуда, если ты мне доверишься.

Он выжидательно смотрел на меня. А я переваривала все, что услышала. Господи, ну почему я? Почему я оказалась в такой ситуации? И как мне теперь быть? Потребовать от него прекратить слежку? Вряд ли это сработает, он ясно дал понять. Не обращать на это внимания я тоже не смогу. Что же делать? И тут до меня дошло – он может избавить меня от зуда!

– Ты правда можешь это сделать? – удивилась я.

– Да. Ты должна полностью довериться мне. Ничего не стесняйся, не пытайся меня остановить.

– Я что, должна буду раздеваться? – Аж поперхнулась от подобной мысли.

– Да. Это необходимо, – спокойно ответил он.

Я потеряла дар речи. Моего обнаженного тела еще никогда не видел мужчина. Это исключено. Я ужасно стеснительная. Даже при женщинах не могу раздеваться. И еще у меня комплекс худобы. Нет, я не смогу.

– Вижу по твоим глазам, что ты готова отказаться от помощи. Есть альтернатива – я могу усыпить тебя на пять минут, а когда проснешься, все будет готово.

И все же я колебалась. Как назло, тело так сильно чесалось, что сил не было уже противиться его предложению.

– Хорошо, но только усыпи, ладно? – жалобно попросила я.

Он, не теряя времени, впился в меня взглядом. Его глаза опять неестественно засверкали, и я стала погружаться в сон. Проснулась от его прикосновения к плечу. Чувствовала себя просто замечательно. Лежала в той же позе, что и раньше. Тело не чесалось. Сыпь, конечно, никуда не исчезла, но неудобства она уже не доставляла.

Он сидел, как и до этого, возле меня, выражение лица у него ни грамма не изменилось.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он тоном врача.

– Просто замечательно, если можно так сказать, – покраснев в очередной раз, ответила я.

– Значит, все получилось, как я и планировал. – Ни тени удовлетворения в голосе. Все тот же ровный тон.

– Ты волшебник? – задала я очередной глупый вопрос.

– Нет, я просто ученый. А ты мой подопытный кролик. У вас это называется шуткой, если не ошибаюсь.

Ну, да, зачем улыбаться, когда шутишь? Можно и так – с каменным лицом.

– Да, уж... – слабо улыбнулась я.

– Мне пора. Выздоровливай скорее. У нас еще много дел.

– Как ты собираешься выходить? – подозрительно спросила я. Опять что ли загипнотизирует меня?

– На этот раз просто воспользуюсь дверью. Пока не пришла твоя мама. До встречи. – Он наклонился и быстро поцеловал меня в щеку. – Так у вас делают, если не ошибаюсь, – сказал он и тут же вышел.

Через несколько секунд я услышала звук открываемой и закрываемой двери.

Я осталась в полной тишине, в состоянии легкого шока. Что это было? Он действительно поцеловал меня, или мне показалось? Да нет, такое разве может померещиться? Это точно случилось, и мне было приятно. Еще совсем недавно я могла думать только о Тарасе. А сейчас мне приятны поцелуи другого мужчины. Я была в шоке от самой себя. С этой мыслью и уснула, вернее даже провалилась в спасительный сон.

Глава 6

Проболела я в общей сложности две недели. Наконец-то врач меня выписал и разрешил выйти на работу. На теле кое-где еще оставались прыщики, но для окружающих я уже не была опасна. Заразный период миновал, как уверил меня доктор. Даже если я захочу, никого заразить не смогу. Именно так он и сказал. Ну и шуточки! Того, что я испытала, даже врагу не пожелаешь.

В понедельник в середине марта я вернулась на работу. Оказывается, не только я скучала. Моему появлению тоже все обрадовались. Машка завизжала, как поросенок, и бросилась меня обнимать и целовать. Едва высвободившись из ее объятий, я попала в руки Светланы Викторовны. Она по-матерински меня обняла и поздравила с выздоровлением. А Людмила Борисовна даже подарок преподнесла по такому случаю. Это была симпатичная кофточка в мелкую черно-серо-белую полосочку с глубоким круглым вырезом и рукавом три четверти.

– Ты у нас самая стройная. Это как раз твой размер. Мне ее муж подарил, но я точно не натяну ее на себя. А ты носи на здоровье и больше не болей.

Кофточка мне очень понравилась. Она была такой же стильной, как и все, что носила Людмила Борисовна.

Какие же они все милые, и как я их люблю! Я даже не обижалась, что они дружно подтрунивали надо мной весь день, типа только я могла заразиться детской болезнью. А дядя Гриша сказал:

– Ты у нас маленький воробышек, вот к тебе и липнут детские болячки. Повышай иммунитет. Лопай витаминки, – и тут же сунул мне одну в рот.

В общем, все было просто замечательно. Иногда нужно заболеть, чтобы жизнь вернулась в нужное русло.

Машка весь день расхваливала своего Олега. Она взахлеб рассказывала, как хорошо у них все складывается, что они запланировали поездку в Новосибирск – знакомиться с его родителями.

– Я думаю, что скоро он мне предложит руку и сердце. Как считаешь? – задумчиво произнесла она, накручивая прядь волос себе на палец.

– Не знаю, Маш, но думаю, что так быстро подобные дела не решаются. Может, я и ошибаюсь. Может, у вас все по-другому. – Я считала, что должно пройти немало времени, пока два человека узнают друг друга достаточно хорошо, что готовы будут связать себя брачными узами.

– У нас все точно по-другому. Он самый лучший человек на свете, – восторженно заявила она.

– Я очень рада за тебя, – ответила я и решила задать ей волновавший меня вопрос: – Слушай, а от Тараса нет известий?

– Ой, какая же я дура и эгоистка, – воскликнула она, – думаю только о себе. Конечно, он звонил несколько раз и очень за тебя волнуется. Он как узнал, что ты заболела, хотел все бросить и прилететь сюда. Но я его отговорила. Извини. Он тоже не болел ветрянкой и мог бы заразиться.

– Конечно. Молодец, что отговорила, – кивнула я, но в глубине души мне стало немного обидно, что он так быстро согласился с доводами Машки.

– Лид, у него там какие-то серьезные дела, но он обещал быть к концу марта. И еще он передавал тебе огромный привет и велел целовать, – с этими словами оно звонко чмокнула меня, попав в нос, и громко рассмеялась.

Конец марта уже не за горами, осталось всего-то чуть больше двух недель. Я потерплю, тем более что я уже так долго его жду, еще подождать – пара пустяков.

Запасшись терпением, я продолжала жить в нормальном ритме. Ходила на работу, помогала маме по дому и часто встречалась со своим новым другом – с Дрондом.

За время моей болезни мы с ним сблизились. Он часто появлялся у нас дома, выбирая моменты, когда не было мамы. Он больше не гипнотизировал меня и не общался мысленно. Мы просто сидели и разговаривали с ним, как старые добрые знакомые.

Он о многом меня расспрашивал. О моих ощущениях в той или иной ситуации. Его интересовало, что я чувствовала. Он просил подробно описывать мою реакцию и внимательно слушал. А мне нравилось рассказывать. Обычно в роли слушателя выступаю я. А тут слушали меня. И я с удовольствием описывала свои ощущения. Подыскивала слова, которые точнее передавали бы мое состояние.

Его интересовали мельчайшие подробности. Он задавал наводящие вопросы. Иногда заставлял меня краснеть, когда просил описать реакцию на поцелуи Тараса. Сначала я сопротивлялась, не хотела комментировать ничего, что считала личным. Но постепенно я так привыкла к нему, что перестала стыдиться. Он стал как бы продолжение меня самой. И еще я поняла, что это не просто любопытство, что для него это на самом деле важно.

Когда я слишком волновалась, он просто брал меня за руку, и я тут же успокаивалась. Он объяснял мне, что избыток эмоций мешает разумно мыслить. В такие моменты я начинаю путаться и говорить невпопад.

Меня перестали удивлять его способностям. Это стало привычным, как будто я только и делаю, что общаюсь с такими людьми. Только вот, рассказывать о нем я никому не хотела. Это было только мое, очень личное. И еще, я догадывалась, что он не хотел бы огласки. Просто знала это и все.

Дронд больше ни разу не пытался меня поцеловать. Уходя, лишь пожимал руку. И я была ему за это благодарна.

Как-то мы сидели с Дрондом на диване и как обычно разговаривали. В этот раз я описывала ему свои ощущения от ссоры с клиентом. В тот день на почту пришла скандальная бабушка. Ей показалось, что телеграмма вышла слишком дорогой. Я пыталась втолковать ей, что принимается за слово. Что предлоги тоже считаются, как отдельные слова. Попросила ее сократить текст, убрав часть предлогов. Но она заявила, что так потеряется смысл. Тогда, я еще раз при ней пересчитала слова и показала стоимость телеграммы по прейскуранту. Но она все продолжала скандалить. В итоге, мне пришлось пригласить Светлану Викторовну, и она с ней разобралась на своем уровне.

Всегда стараюсь избегать конфликтов на работе. Но иногда, даже меня, тихоню, умудряются вывести из себя. Люди разные попадают. Я, как можно красочнее, пыталась описать Дронду всю эту ситуацию. Он, как всегда, внимательно слушал, задавая наводящие вопросы.

– Слушай, Дронд, а почему ты ничего не записываешь? Я ведь очень много тебе рассказываю. Ты, наверное, и десятой части не запоминаешь. – При нем никогда не было ни блокнота, ни тетради, ни ручки.

– Ошибаешься. Я запоминаю каждое твое слово. Могу воспроизвести любой наш диалог, – спокойно ответил он.

– Но это невероятно! – удивилась я. – Человеческая память не способна на такое. Ты вундеркинд?

– Нет, я просто человек, – все так же спокойно ответил он. – Это ваша память не способна. А для моей не составляет труда запомнить все сказанное тобой, – медленно произнес он и, немного подумав, добавил: – Я вижу, что замучил тебя загадками. Наверное, пришло время рассказать тебе кое-что о себе? Как считаешь?

Я только молча кивнула. А сердце забилось, как бешеное. Неужели сейчас приподнимется завеса тайны? И я узнаю кто он? Дронд коснулся моей руки и подождал, пока я успокоюсь, а потом заговорил:

– Как уже говорил – я человек. Такой же, как и ты с физиологической точки зрения. Физически я устроен так же, как и все ваши мужчины. Но на этом наше сходство и заканчивается. Наш внутренний мир совсем другой, не такой, как ваш. В отличие от вашего мозга, который активен только на пять процентов, наш задействован на девяносто пять. Улавливаешь разницу? Вы запоминаете только пять процентов из услышанного или увиденного. А мы всего лишь столько же забываем, что является незначительным. Все, что ты видела или слышала в жизни, хранится в ячейках твоего мозга, но ты никогда не сможешь этим воспользоваться, потому что это пассивные ячейки, они как мертвые. Еще, что удивительно, у вас большая часть мозга отвечает за эмоциональное восприятие окружающего мира, а у нас это отсутствует вообще. Эмоции нам не свойственны. Мы живем разумом, ничего не чувствуя. Мы окружающее продумываем, а вы ощущаете. Понимаешь? У вас все болезни от нервов. А нервы – это наивысший пик эмоций. Пик, после которого обязательно следует нервный срыв разной степени тяжести. А если отрицательные эмоции скрывать, накапливать в себе, то, как следствие, тяжелое заболевание, такое, как рак или диабет и еще много других. Их ты знаешь не хуже меня.

Меня интересует проблема вашей эмоциональности. Ее я и изучаю. Пишу научный труд о человеческих эмоциях. Для исследований я выбрал тебя. Ты наиболее эмоциональный экземпляр. Но твои эмоции в основном положительные. Ты переживаешь по пустякам и занимаешься самокопанием. И еще твоя душа открыта, ты очень добрая, как у вас это говорят.

Он замолчал и посмотрел на меня. А я очнулась от оцепенения и прикрыла рот.

– Вот почему ты никогда не улыбаешься, не хмуришься, не раздражаешься, не сердишься. Ты просто не умеешь этого делать? – Моему удивлению не было предела.

– Совершенно верно. В процессе эволюции, длившейся тысячелетиями, мы искореняли из себя эмоции. Пока их не осталось совсем. Так жить гораздо легче. Все понимаешь разумом.

– Но это же ужасно – ничего не чувствовать! – Я опять разволновалась, и ему пришлось меня успокаивать.

– Скука – это тоже чувство, – произнес он, – оно нам не известно.

– Получается, вы как машины? – спросила я, глядя на абсолютно нормального с виду человека.

– Мы полноценные люди. Так же чувствуем физическую боль. Мы женимся и размножаемся, как и вы. Все сопровождающие процессы у нас схожи с вашими. Только мы при этом ничего не чувствуем. Постарайся понять.

Как я могла понять, если в голове не укладывалось даже то, что об этом можно так спокойно рассуждать?

– Стараюсь, – медленно ответила я. – Знаешь, мне становится страшно, когда я представляю, как пуста твоя жизнь. Мне жаль тебя. Ты живешь в эмоциональном вакууме. Ты никогда не познаешь настоящей любви? Любви к женщине, к детям, любви к родителям. Это просто ужас!

– Любовь – это наихудшее из бед. Любовь – абсолютное зло. Из-за нее вы сходите с ума, прибегаете к суициду, становитесь несчастными до конца своих дней. Зачем нужно это чувство?

Но это же неправда! Это самое большое заблуждение, какое только может быть!

– Любовь – это самое прекрасное чувство на земле. Оно многократно воспевается поэтами. У каждого свое представление о любви, но у всех оно прекрасное. Любовь делает нашу жизнь богаче. Это то чувство, которое мы вспоминаем в старости. Это прекрасно! – Мне до слез было жаль его. Как можно вот так жить?

– За время нашего общения, я стал лучше понимать, что ты чувствуешь и чем продиктованы твои поступки. Я почти привык к уровню твоих эмоций. Но и тебе то чувство, что ты испытываешь к Тарасу, приносит только страдания. Ты живешь ожиданием, а не настоящим.

Разве это хорошо? Разве это тебя устраивает? Разум отвергает любовь, а эмоции ее порождают. Мы никогда не придем к согласию. Мы слишком разные.

Я поняла, что ничто не способно поколебать его уверенность.

– Скажи мне, ты счастлив? – задала я вопрос, который считала самым главным в жизни.

– Думаю, да, – как-то не очень уверенно произнес Дронд.

– И ты ничего не хотел бы изменить в своей жизни? – допытывалась я.

– Моя жизнь такая, какая она есть, какой она должна быть. Я таким родился и другой жизни не знаю. Я многое умею и постоянно самосовершенствуюсь. Живу среди себе подобных. Чего еще можно желать?

– Ты говоришь вы и мы. А кто это вы? И где вы живете? – спросила я.

– Ты еще не готова это узнать. Как-нибудь потом я тебе все расскажу. Но только не сейчас. А сейчас я кое-что проверю, если ты не против. Собираюсь прочесть твои мысли и проанализировать, насколько изменилось у тебя отношение ко мне. Это не займет много времени.

Он посмотрел на меня своими удивительными глазами, которые постепенно начали разгораться. Тут же почувствовала, как тело мое становится безвольным, чужим. В этот момент Дронд был нереально красив. Какая жуткая несправедливость лишать такого человека возможности любить и быть любимым. Он мог бы быть счастлив и сделать еще одного человека счастливым. Сеанс закончился быстро. Дронд как-то очень поспешно отвернулся от меня. От его резкости я пошатнулась и чуть не упала с дивана. Он схватил меня и посадил обратно.

– Извини, я слишком быстро оборвал связь. Это нужно делать постепенно.

– Ничего. Ну и как? Что говорят мои мысли? – поинтересовалась я.

– Все хорошо, как я и думал, – уклончиво ответил он.

– Не хочешь поделиться?

– Как-нибудь в другой раз. Не сейчас. Мне пора. Мама твоя уже скоро придет. Кстати, в ближайшем будущем тебя ожидает сюрприз.

– Ты и это можешь? Заглядывать в будущее? – удивилась я.

– Только в твое. Я научился его теоретически программировать. Пока. Увидимся вскоре, – и он скрылся за дверью.

Глава 7

Весна постепенно отвоевывала право наступить, вытесняя зиму. Робко таял снег под весенним ласковым солнышком. Рано утром в приоткрытое окно врвался неистовый птичий щебет. Уже намного раньше светало, и я не по темноте шагала на работу. Таяли сосульки на карнизах домов, создавая угрозу для неаккуратных пешеходов. Солнце грело, а не просто светило. И было так приятно нежиться в его лучах. Хотелось все время подставлять ему лицо, чтобы кожа получила долгожданную порцию витамина Д, которого была лишена на такой длительный и суровый период.

Если раньше я с работы скорее бежала домой, то в эти дни ходила не спеша, наслаждаясь запахом весны, разлитым во все еще холодном воздухе.

Но иногда налетали метели – зима из последних сил сражалась за право еще повластвовать. И тогда казалось, что ничего не изменилось, не будет конца холодам, и весна никогда не наступит. А потом опять выходило из-за туч солнышко, и я понимала, что это уже настоящая весна, перед которой зима бессильна.

Как-то Машка прибежала на работу возбужденная и прямиком залетела в кабинет Светланы Викторовны, не дав той даже раздеться с улицы. Она пробыла там минут десять и вышла, победно улыбаясь.

– Я иду в отпуск. Наша золотая Светланочка Викторовна разрешила мне взять две недели. В пятницу мы с Олежкой уезжаем в Новосибирск – знакомиться с его родителями, – не стесняясь своей радости, заявила она сразу для всех. – Я так счастлива, так счастлива! Пусть плачут те, кому мы не достались, плевать на тех, кто нас не захотел, – и стала напевать какой-то незамысловатый мотивчик.

– Очень жаль, Машенька, что ты уезжаешь. Я всех приглашаю в пятницу к себе на День рождения. У меня в этом году юбилей – тридцать лет. Я хотела отметить его как всегда дома, но муж категорически против «домашних посиделок», как он выразился, и заказал белый зал в ресторане «Фламинго». Белый зал там самый маленький, но очень уютный, мне он нравится больше всех. И мы будем там без посторонних. Придут еще пара сотрудников мужа, моя лучшая подруга с супругом и еще семейная пара. Они – наши соседи. Мы с ними в приятельских отношениях, – очень достойно, без тени превосходства произнесла Людмила Борисовна.

Как она могла все вот так просто преподносить. Я сомневаюсь, что кто-то, кроме нее, из всего нашего маленького коллектива бывал в этом ресторане. Он считался самым шикарным в городе. А достаток у всех нас примерно одинаковый – живем от зарплаты до зарплаты. Но в ее устах, во всем ее облике не было ни тени превосходства. Она на самом деле хотела нас видеть у себя на Дне рождения и именно в этом шикарном ресторане.

– Ох, ну почему все так совпало? Почему именно в эту пятницу я уезжаю? Я так давно мечтала попасть во «Фламинго», – огорченно проговорила Машка.

– Ничего, Машунь, тебя твой хахаль сводит, – пробасил дядя Гриша. – Он у тебя как, при деньгах? – шутивно спросил он.

– Да какой там... Он же студент, – сокрушенно произнесла Машка, – учится на последнем курсе НГУ. Сейчас у него как раз диплом. Летом будет защищать. Ну, ничего, я все равно счастлива, – тут же опять заулыбалась она. – Ни что не способно испортить мне настроение. Какие наши годы? Попаду еще в шикарный ресторан. А вам, Людмила Борисовна, я из Новосибирска привезу какой-нибудь подарок. Тем самым заглажу свою вину.

– Спасибо, Машенька. Если тебе не трудно, привези мне, пожалуйста, тарелку на стену или кружку с видом Новосибирска. Я уже давно коллекционирую такие. Привожу их отовсюду, где бываю. – Вот так достойно наша Людмила Борисовна освободила Машу от головной боли. Ведь выбирать подарок трудно, особенно, когда ты стеснен в средствах.

– Ок, – ответила Машка. – Слушай, воробышек, я хотела попросить тебя проследить за моей Ленкой. Она, конечно, считает себя ужасно взрослой, а у самой еще ветер в голове. Ты навещай ее, пожалуйста, каждый день, ладно? И проверяй, чем она питается и делает ли уроки. Это всего лишь пять дней. Тебе не трудно будет?

– Да, о чем речь. Буду заезжать к ней после работы. Не переживай, можешь положиться на меня, – успокоила я ее.

– Спасибо. Ты моя палочка-выручалочка и я тебя обожаю. – Слова она подкрепила дружескими медвежьими объятиями, едва не раздавив меня.

– Кстати, Лидочка, ты можешь прийти со своим молодым человеком, – сказала Людмила Борисовна.

– Да у меня его и нет пока, – смутилась я, подумав о Тарасе.

– Она у нас еще слишком юная, – пропела Машка, а сама хитро мне подмигнула.

– Разве? У меня в ее возрасте уже Павлик родился, – наставительно произнесла Светлана Викторовна.

– Ну, в наше время все было по-другому. Тенденция ранних браков, понимаете ли. А сейчас молодежь старается как можно дольше оставаться независимыми. Как будто, выйдя замуж, они становятся связанными по рукам и ногам, – ворчливо вклинился дядя Гриша.

– Ничего подобного. Я вот считаю, что уже засиделась в девках. Хочу замуж, замуж хочу. Да никто пока не берет. Но чувствую, что скоро кое-кто разродится, – прохихикала Машка.

– Но ведь ты его совсем мало знаешь. Разве можно так торопиться? – спросила Светлана Викторовна.

– Ну, вам не угодить. То, значит, поздние браки, то не надо спешить. Вы, уж, как-нибудь определитесь, – проворчала Машка.

– Мы хоть и рано выходили замуж, но избранников своих все-таки предпочитали узнать получше. А ты еще и месяца не знаешь своего Олега, – не унималась Светлана Викторовна.

– Да, ладно. Он больно-то и не спешит предлагать мне руку и сердце, – ответила ей Машка с сожалением в голосе. – Значит, есть время узнать, разглядеть под микроскопом. Думаю, что случится это не раньше, чем через год. Ему, ведь, надо закончить институт, найти хорошую работу и только потом думать о семье.

– Да. Но слишком долго думать тоже не стоит, может и перегореть. Надоешь ты ему со своим взрывным характером, – подколот Машку дядя Гриша.

– А вот если надоем, то так тому и быть. Такие нам тоже не нужны. Любовь прощает все недостатки. А если ему они станут мешать, то и не любовь это вовсе. А я хочу, чтобы все было по-настоящему, как в кино или сказке.

На этом наша беседа закончилась, и все отправились по своим рабочим местам. Решено было, что в отсутствие Маши ее обязанности будем делить мы с Людмилой Борисовной. Одному на своем и ее участке не справиться. Я буду заниматься почтовыми отправлениями, а Людмила Борисовна переводами и пенсиями.

Я, конечно, обрадовалась приглашению в ресторан. Но появилась дополнительная головная боль. Вернее, даже две: что надеть и что подарить. Об одежде я задумалась прежде всего. В моем гардеробе точно нет ничего подходящего для ресторана. Денег на то, чтобы купить какое-нибудь платье, у меня тоже не было. И одолжить наряд мне тоже не у кого. Ситуация тупиковая, как ни крути. С мамой у нас почти один размер, но у нее тоже нет ничего нового и парадного. Себе она еще реже покупает обновки, чем я. В запасе всего два дня, чтобы что-нибудь придумать.

Я размышляла весь рабочий день и всю дорогу до дома. Но так ничего и не придумала. В крайнем случае, могу сослаться на неотложные дела и не пойти. Но мне так хотелось... И еще я подумала, что если не пойду, то все сразу догадаются о причине.

Мамы дома не было. Вообще, странно, в последнее время она частенько куда-то исчезала. Раньше выходные почти все проводила дома, занимаясь чем-нибудь по хозяйству. А сейчас... Интересно, у нее все в порядке? Нужно будет спросить. Но я быстро забыла об этом, потому что, зайдя в комнату, обнаружила там Дронда.

– О, привет!

Я уже не удивлялась его присутствию – настолько это стало привычным. При нем я могла заниматься различными делами – готовить, убираться, стирать... Он предпочитал наблюдать за мной, занятой домашними хлопотами. Говорил, что мозговая деятельность выводит эмоции на другой уровень. Они начинают как бы существовать отдельно от меня.

Я мало чего понимала из того, что он говорит, но была даже рада его присутствию – в его компании мне не было так скучно. Иногда он мне даже помогал. Например, однажды сломался электрический чайник. Что-то там щелкнуло и сразу запахло изоляцией. Я поспешно выдернула шнур из розетки. Вокруг шнура на чайнике образовалось темное пятно. Значит, перегорел, поняла я, и собралась его выкинуть. Уже представляла, как какое-то время будем пользоваться старым чайником, кипятить его на плите, тратя на это гораздо больше времени, пока не появится возможность купить новый. Дронд же молча разобрал его, поменял шнур и вставил внутрь что-то маленькое – какую-то деталюшку.

– Теперь он будет закипать в два раза быстрее и прослужит еще долго, – объяснил он.

– Ты всегда с собой носишь запасные шнуры для чайников? – удивилась я.

– Ты опять забыла важную деталь, что я могу видеть твое ближайшее будущее. И то, что у тебя сломается чайник, я просто знал заранее, – ответил он.

– Ой, точно забыла! А ты можешь посвятить меня в ближайшее будущее? Чтобы я была готова ко всякого рода неожиданностям, – заинтересовалась я.

– Думаю, не стоит этого делать. Это собьет тебя с нормального ритма, сделает твою жизнь постной и неинтересной. Но будь спокойна, об опасности я тебя предупрежу, – добавил Дронд, – ни что не должно тебе угрожать.

– Для чистоты эксперимента я нужна тебе целая и невредимая? – пошутила я.

– Это правильная мысль, – слегка подумав, спокойно ответил он.

В другой раз у меня забила раковина на кухне. Вода вообще перестала уходить. Дронд всыпал в сливное отверстие какой-то серебряный порошок, и через секунду воды как не бывало.

– Ты прямо как мой личный волшебник, – засмеялась я. – Скоро не смогу без тебя обходиться.

– То, что я делаю для тебя – сущие пустяки по сравнению с тем, что ты делаешь для меня.

– Да я, вроде, ничего и не делаю. – Я продолжала мыть посуду, беседуя с ним.

– Кроме того, что позволяешь анализировать твою жизнь, наблюдать за каждым твоим действием. – Он оставался серьезен. А мне так хотелось, чтобы он пошутил или рассмеялся. Как можно обходиться без смеха?

– Так от меня же ничего и не требуется. Мне это абсолютно не сложно. Единственно, я не понимаю, чем интересна для тебя моя жизнь, – с сожалением произнесла я, думая о своем.

– Ты этого и не способна понять. Виноваты ограниченные способности твоего мозга. Но для меня ты уникальна. Я выбрал тебя из миллиона людей. Ты себя недооцениваешь. Твои душевные качества просто великолепны. Ты, как роза на поляне сорняков.

Ух, ты! Это похоже на поэзию. Значит, не все еще потеряно...

– Вот это я и пытаюсь понять и сгруппировать, вывести закономерность.

Улыбка погасла на моем лице. Он так красиво начал, столько поэзии было в его словах, что на миг я подумала о зарождении в нем эмоций. Но закончил он так же холодно, как все делал и говорил до этого.

– Не хочу тебя огорчать, но вижу, что это случилось. Не могу вести себя по-другому и думаю, что ты это понимаешь. Я всего лишь подражал вам, когда пытался описать тебя. Постараюсь больше так не делать, чтобы не вводить тебя в заблуждение, – как всегда спокойно сказал он.

– Да, в какой-то момент я подумала, что ты меняешься, становишься мягче, что ли, – произнесла я и посмотрела на его такое красивое и такое неподвижное лицо.

– Это невозможно. У моего народа за плечами тысячелетия эволюции, я тебе уже говорил. Такое восприятие жизни заложено у меня в генах.

– А жаль. Ты мог бы быть неплохим парнем. А так ты похож на машину, которая думает, дышит, спит, ест и... Кстати, насчет ест и спит я ничего не знаю. У тебя есть в этом потребность? – заинтересовалась я.

Я как раз варила щи из свежей капусты, и по квартире распространялся аппетитный запах. У меня даже желудок временами сводило, до того проголодалась. Благо, если есть мясной бульон, эти щи очень быстро готовятся. Овощи закидываются сырыми и почти все одновременно. В конце я только добавляю много свежей зелени. Я их называю – щи по-деревенски. Даже не знаю почему. Потому, что мне так нравится.

– Я уже говорил, что с физиологической точки зрения мы устроены так же, как и вы. Это значит, что у нас есть те же потребности, что и у вас. Для поддержания полноценного образа жизни питание и сон нам тоже необходимы. Только у нас это делается по определенной системе. Спим мы ровно столько, сколько необходимо спать в сутки. А не так, как вы. Вы временами просто издеваетесь над собой, систематически недосыпая, либо спите слишком много, притупляя активность организма. У вас часто выбраны неудобные места для сна, что снижает его эффективность. При совокупности всего необходимого нам хватает четырех часов сна. В нашем представлении сон – это полный покой, ничем не нарушаемый, не прерываемый. Что касается пищи, то тут у нас тоже существует определенная система. Мы не едим продукт целиком, а только то, что есть в нем полезного. Мы умеем выделять полезное из любого продукта, даже камня, затем, группируем это в совместимые композиции и употребляем в пищу. Тебя удивил бы вид нашей еды. Но это вкусно. Единственный недостаток, как я думаю, наша пища почти не имеет запаха. А органы обоняния и осязания у нас развиты так же, как и у вас. И запах пищи, приготовляемой тобой, мне приятен.

– Может быть, ты хочешь составить мне компанию и попробовать нашу еду? – предложила я.

– Я не могу этого сделать. Таким образом я нарушу один из наших законов, содержащий постулаты о возможном нанесении вреда здоровью.

– Как же, наверное, скучно так жить. А мы еще иногда сознательно едим вредную пищу, типа фаст фуда, потому что это безумно вкусно, – решила съязвить я.

– Я не пытаюсь тебя воспитывать, просто показываю разницу между нами, между твоим образом жизни и моим.

Тогда спокойствие в голосе Дронда меня взбесило до такой степени, что готова была устроить скандал. Еле сдержалась.

Вот так мы с ним и общались. Казалось, мы поменялись ролями. Теперь все чаще я ему задавала вопросы, а он на них старался как можно подробнее отвечать. Он отвечал на все вопросы, кроме одного – откуда он.

Дронд сидел на диване и спокойно дожидался меня. На мое приветствие он слегка кивнул головой, как, впрочем, делал всегда. Не пытался заговорить первым, просто сидел и ждал, пока я раздевалась в прихожей. А мне тоже не хотелось разговаривать, потому что настроение было близко к нулевой отметке, то есть совершенно дерьмовое.

– Такой я тебя еще не видел. Ты злишься на безвыходность ситуации, на невозможность ее изменить, – подал он первым голос.

– Да, я злюсь, и у меня есть на то причина, – грубовато ответила я.

– Я знаю.

Я удивленно на него посмотрела.

– Ах да, я опять забыла о твоих сверхспособностях. Ты же все знаешь, – устало проговорила я.

– А ты сейчас пытаешься выместить на мне свое раздражение, – спокойно заявил он.

Так стало стыдно, что я почувствовала, как краснею. Так недостойно я, по-моему, еще ни разу себя не вела.

– Прости, пожалуйста. Я просто свинья. Ты мой друг и постоянно помогаешь мне, а я сейчас веду себя по-скотски. Прости, – пробормотала я, виновато глядя на него.

– Не стоит извинений. Ты же знаешь, обижаться я не умею. Просто, тебе это не идет, – констатировал он.

Я опять покраснела, как будто меня застали за занятием чем-то неприличным. Он подошел ко мне, прикоснулся своими красивыми руками к моим плечам, заглянул в глаза, и все сразу прошло. Улетучилась куда-то злость, настроение стало отличным, вернулась бодрость духа, которой мне так не хватало.

– Спасибо тебе большое. Так намного лучше, – сказала я уже нормальным голосом.

А он не спешил убирать руки, слегка поглаживая мои плечи.

– Ты приятная на ощупь – такая хрупкая и, в то же время, мягкая.

Его руки немного переместились вверх, и теперь он поглаживал большими пальцами мою шею – от уха до ключичной впадинки. Я стояла, не шевелясь, сердце колотилось, как ненормальное. Впервые его руки меня не успокаивали, а возбуждали, заставляя сотрясаться всем телом. Кожа покрылась мурашками, и низ живота стал неестественно тяжелым. Ничего подобного я в жизни не испытывала. Но, вопреки всему, это было приятно. А он оставался абсолютно спокойным, ни один мускул не дрогнул на его лице. Казалось, он проводит очередной эксперимент и наблюдает за моей реакцией. Я нашла в себе силы и неуклюже вывернулась, лишь бы побыстрее освободиться из плена его ласковых рук. Когда больше ничто не сковывало моих движений, я отошла на приличное расстояние.

– Зачем ты это сделал? – спросила я, когда полностью успокоилась.

– Мне захотелось увидеть на твоем лице признаки страсти. И это получилось. Ты была неподражаема в этот момент.

– Ты не должен больше играть моими чувствами. В отличие от тебя, я обладаю всеми инстинктами, которые присущи обычному человеку. Я не робот. И моя реакция меня напугала, – сердито заявила я.

– Это было очень интересно. Но если тебя это огорчает, больше не буду. Вообще-то я хотел сказать, что проблема, которая тебя нервирует, решена. Я принес платье, в котором ты можешь пойти на торжество, – с этими словами он достал небольшой сверток и вручил его мне.

Я развернула его и ахнула от изумления. Там было маленькое платье из той самой замечательной ткани, из которой сшита вся его одежда. Серебристого цвета, оно практически ничего не весило. Никогда не видела ничего подобного. Это поистине королевский подарок.

– Я не могу его надеть. Оно слишком необычно. Что я скажу маме и своим знакомым. Они обязательно спросят, из чего оно сшито. И, потом, у нас бы оно стоило бешеных денег, – с огорчением произнесла я.

– Человеческий мозг так изобретателен. Придумай что-нибудь. Подключи свою фантазию.

– Но мне ничего путного не лезет в голову.

– Пусть это будет чей-нибудь подарок, – подкинул он идею.

– Станет кто-то дарить такую прелесть, – пробормотала я сама себе. – Может сказать, что оно Лизкино, это моя одноклассница. Она сильно поправилась в последнее время. Можно сказать, что она мне его подарила, когда поняла, что никогда уже в него не влезет.

Я бы ни за что ему не призналась, как мне хотелось оставить это платье себе, как оно мне нравилось. Никогда в жизни у меня еще не было такой красивой вещи.

– А если спросят, из какой ткани оно сшито, отвечу, что это редкий японский шелк, что у нас нет изделий из него, и что ей папа привез его прямо из Японии, тем более что он там, кажется, был, – радостно проговорила я. Мне казалось, я придумала подходящую историю.

– А теперь примерь его, – предложил он.

Я зашла в свою комнату и быстро переоделась. Платье коснулось кожи и свободно заструилось по ней, не обтягивая и нигде не свисая. Я посмотрела на себя в зеркало и поразились преображению. Цвет платья подходил к моим темно-русые волосы и серые глаза. Из зеркала на меня смотрела незнакомка.

Я вышла к Дронду и замерла в пяти шагах от него. Он деловито окинул меня взглядом и заявил:

– Я знал, что оно тебе будет впору. – И все. Ни «какая ты красивая!», ни «тебе очень идет», ничего подобного. Сухарь!

– Ах, да, я и забыла, что ты у нас ясновидящий, – съязвила я.

– Слушай, Лида, а ты не будешь против, если я пойду с тобой в ресторан? – заговорил он на другую тему.

– Как это? Ты не можешь. Как я тебя представлю? Что я им скажу? – сразу разволновалась и сбивчиво затараторила я.

– Ты забыла, что я могу быть невидимым для всех и для тебя в том числе, – напомнил он.

– Тогда зачем тебе нужно мое разрешение? Мог бы просто прийти и все, – рассердилась я.

– Я хочу, чтобы ты знала о моем присутствии. Хочу наблюдать тебя в состоянии, когда ты знаешь, что за тобой наблюдают.

– Делай, что хочешь. Я все равно не могу запретить тебе, – сказала я с легким раздражением в голосе.

– Это ты правильно подметила, – спокойно парировал он. – Ну, мне пора. Увидимся уже после праздника. Пока.

И он ушел, не сказав больше ни слова.

Вскоре пришла мама. Она была необычно весела и какая-то помолодевшая. Решив, что у нее все в порядке, я отправилась спать. Платье заблаговременно убрала в шкаф, аккуратно развесив на плечики.

Глава 8

На следующий день мама поинтересовалась, в чем я планирую идти на День рождения Людмилы Борисовны. Я показала ей платье.

– Откуда такая красота? – спросила она.

Я выдала ей заранее подготовленную версию ответа. Как-то очень легко она поверила моей хитрости. Видать, голова ее была занята совсем другими мыслями. Но это даже хорошо. Не надо отвечать на дополнительные вопросы.

– Как ты думаешь, мам, что можно подарить Людмиле Борисовне? – озабоченно спросила я.

– Ну что можно подарить человеку, у которого все есть? Что-нибудь памятное, какой-нибудь сувенир, – ответила она.

– Я ничего не могу придумать. Всю голову уже сломала. Для меня выбирать подарок – это всегда такая проблема.

– Я тебя прекрасно понимаю. Особенно, если денег не очень много, – сочувственно произнесла мама.

– Может быть, сходим сегодня вечером вместе в магазин и что-нибудь подберем? – предложила я ей.

– Давай тогда не сразу, как ты закончишь работу, а немного позднее. У меня есть кое-какие дела, – согласилась она.

– Во сколько? Часов в восемь? А магазины еще будут работать?

– По-моему, в нашем торговом центре магазины работают до десяти. Успеем. Давай встретимся в восемь возле центра.

– Договорились, – и я побежала на работу.

Время уже поджимало. Конечно, я не опоздаю, но и раньше всех уже прийти не получится. Что-то не нравилось мне в мамином поведении. Какая-то она была рассеянная. Что происходит? Вроде, выглядит не плохо, но, видно, что ее что-то тревожит и постоянно отвлекает. О чем она все время думает? Нужно будет сегодня вечером ее попытать.

Сегодня было особенно солнечно. Если не замечать талого снега под ногами, превратившегося в грязную кашу, то можно во всю наслаждаться весной.

Я примчалась на работу и получила от дяди Гриши очередную шоколадку.

– Вы меня совсем избаловали. Скоро стану толстая претолстая, если каждый день буду есть столько сладкого, – засмеялась я. Настроение у меня было отличное.

– Тебе это не скоро грозит. Такие, как ты, только с возрастом слегка округляются, становясь при этом пикантными, а не толстыми. Кроме того, от шоколада, по-моему, вообще не поправляются. Так что, можешь есть его смело, – успокоил меня он.

– Спасибо, дядь Гриш. Добрый вы очень.

– Добрым меня еще никто не называл. Строгим – да, суровым – да, но чтобы добрым – никогда, – его усы потешно шевелились, когда он говорил. Это вызвало у меня опять приступ смеха.

– Значит, я первая, – я чмокнула его, пряча улыбку, и побежала на рабочее место.

Машка уже пыхтела над своими посылками, высунув язык. Смешная она – рослая такая, а в душе суший ребенок. Сегодня она работала последний день перед отпуском, завтра уезжала в Новосибирск. Видно было, что слегка волнуется – не тараторила, как обычно.

В обед мы поели торт, который Машка принесла за свой отпуск, и выпили чаю. Пожелали ей хорошего отдыха и удачного знакомства с родителями Олега. Я бы, наверное, тоже волновалась на ее месте.

Как-то некстати я вспомнила Тараса. Где он сейчас? Что делает? Но спрашивать у Машки об этом не стала. За время разлуки я научилась прятать мысли о нем где-то глубоко внутри себя, чтобы никто не догадался, как сильно я его жду. Я пыталась вспомнить его лицо, но у меня ничего не получалось. Помнила только широкую улыбку и искрящиеся смехом глаза.

Интересно, а он меня вспоминает? Наверное, нет уже. Кто я – провинциальная серая мышка из малюсенького сибирского городка, где почти все друг друга знают. А он столичный парень, очень продвинутый. Конечно, мы с ним не пара. От этой мысли мне стало очень грустно. Она меня не покидала весь остаток рабочего дня.

Перед уходом домой, я пожелала Машке удачной поездки и хорошего отдыха и еще раз пообещала следить за ее сестрой.

Вернувшись домой, я поужинала и села читать книгу. Но, как назло, не усваивала то, что прочитывала. Тогда, я решила бросить это дело и стала тупо дожидаться времени, когда можно будет отправиться на встречу с мамой.

Ровно в восемь мы с мамой почти одновременно подошли к торговому центру, и началась наша попытка. Целый час мы бродили по сувенирному магазину. Выбрать ничего не получалось. То, что нравилось, стоило очень много, а то, что было дешевое и качества было соответствующего. Вконец измучавшись, мы решили подарить комплект двуспального постельного белья. Эта вещь в хозяйстве лишней не бывает. Всегда пригодится.

Вечером, дома я спросила у мамы:

– Мам, у тебя точно ничего не случилось? Ты стала совсем другая – какая-то рассеянная и временами очень задумчивая.

– Скоро, доченька, ты все узнаешь, – уклончиво ответила она. – Не переживай. Я думаю, что эта новость тебя обрадует. Все хорошо. Просто я не хочу опережать события.

– Ну, ладно. Если ты так хочешь... – мое удивление маминой загадочности только возросло.

Я не стала долго ломать над этим голову. Главное, что все хорошо.

Вот и пятница. Людмилу Борисовну сегодня пораньше отпустили домой, чтобы она успела подготовиться к празднику. Мы со Светланой Викторовной остались вдвоем на всех участках. Благо, работы было не так уж много. Сегодня весь день валил мокрый снег, погода стояла пасмурная, и посетителей было не очень много. Так что, мы вполне справлялись.

Уходя домой, я попросила Светлану Викторовну подождать меня у входа в ресторан в семь часов. Мне было как-то боязно входить туда одной.

– Конечно, Лидочка, мы с мужем тебя встретим. Даже я себя неловко чувствую, прожив длинную жизнь. Представляю, каково тебе. До встречи.

Дома я надела платье, тонкие телесные колготки и попыталась пригладить непослушные волосы. Попытка оказалась тщетной. Только при помощи лака, я кое-как заставила их не торчать во все стороны.

Не буду надевать шапку, решила я, сегодня обойдусь капюшоном.

Времени оставалось в обрез. Бегло глянув на себя в зеркало, я осталась довольна своим видом. Быстро надел пальто и сапоги и затолкав туфли в сумочку, я вылетела из дома в направлении автобусной остановки.

Я опоздала на пять минут. Светлана Викторовна с мужем уже поджидали меня. Вместе мы зашли в здание ресторана. Внутри было просто шикарно. Торжественный пол, выложенный черной глянцевой плиткой, зеркальные стены и потолок. На каждом из зеркал висели небольшие бра. Помещение казалось в четыре раза больше.

Мы разделись в уютной гардеробной, и очень вежливый парень в темном строгом костюме проводил нас в белый зал.

Войдя туда, я растерялась на какой-то миг. Зал был действительно белым. Белое было все – стены, мраморный пол, потолок с красивой лепниной, занавески на окнах и даже столы

и стулья были белыми. Одна стена была тоже полностью зеркальная и украшенная такими же бра, как в фойе.

Людмила Борисовна с мужем встречали гостей. Она была просто ослепительна – в длинном голубом платье, красиво облегающем ее стройную фигуру, с гладко зачесанными и собранными на затылке волосами, с минимум украшений и косметики. Муж не мог отвести от нее взгляда. Он честно пытался смотреть на гостей, но все время переводил взгляд на свою жену.

Народу уже собралось человек пятнадцать. По-видимому, это были сослуживцы мужа Людмилы Борисовны. Я их никого не знала. Кто-то были парами. Двое молодых мужчин пришли по одиночке. Все они заинтересованно смотрели на нас. Я ловила на себе одобрительные взгляды, и мне это было приятно.

– Замечательно выглядишь, Лидочка. Никогда не видела такой красоты, – сказала Людмила Борисовна, слегка дотронувшись до моего платья после того, как мы поздравили ее. Больше она ничего не сказала и не спросила. Каким тактом обладал этот человек. Я не переставала удивляться.

Нас познакомили со всеми гостями. Мужчин помоложе, которые были без пары, звали Дмитрий и Сергей. Они работали инженерами на нашем заводе. В город приехали сравнительно недавно. Оба были очень приятными молодыми людьми. Меня посадили рядом с Сергеем, и он тут же начал за мной ухаживать – налил вина в бокал.

Вновь прибыли гости, и наша влюбленная пара пошла их встречать. В общем приглушенном гомоне я различила голос дядя Гриши. С улыбкой обернулась и так и застыла на месте. Рядом с дядей Гришей стояла моя мама. На ней был новый трикотажный костюм, который ей необычайно шел. Она вся светила счастьем, бросая немного виноватые взгляды в мою сторону. Она сбросила лет десять. Такой счастливой я ее еще никогда не видела. А какой был дядя Гриша рядом с ней! В светло-сером костюме, с галстуком на шее в тон костюму, он выглядел неотразимым. Он держал маму под руку и был невероятно горд этим.

Тут я почувствовала ласковое прикосновение теплых рук к своим плечам, и знакомый голос произнес мне на ухо: «Вот и обещанный сюрприз». Дронд. Я совсем забыла, что он тоже тут. Ну и вечерок мне предстоит.

Мама, моя мама с дядей Гришей! Да и какой он дядя Гриша. Язык не повернулся бы так назвать его. Сегодня он был Григорием Сергеевичем – торжественный и представительный. Так вот что мама от меня скрывала. Вот почему она в последнее время так часто уходила из дома и возвращалась счастливая. Это был настоящий сюрприз для меня. Я так привыкла видеть в дяде Грише только нашего сторожа и просто хорошего человека, что не обращала внимания на то, что он, в общем-то, еще далеко не старый. Ему ведь всего около пятидесяти.

Бывший военный – майор в отставке. Живет один. В наш город переехал пять лет назад, когда вышел на военную пенсию. Личная жизнь у него не сложилась. В молодости был женат. Но жена ушла от него, забрав двоих сыновей. Говорят, не выдержала жизни жены военного. Мотаться по гарнизонам, все время менять место жительства. Трудно за это осуждать. С тех пор он больше так и не женился. Воевал в горячих точках. Выйдя на пенсию, приехал сюда, купил однокомнатную квартиру и жил потихоньку, подрабатывая ночным сторожем. Пенсия у него была приличная.

Как же они познакомились с моей мамой? «У тебя на Дне рождения. Забыла?» – подсказал мне знакомый голос. Точно. Вот значит, когда все произошло.

Конечно, я радовалась за маму. Было только немного обидно, что она не сказала мне раньше.

– Прости меня доченька, что молчала все это время, – мама выбрала благоприятный момент, чтобы поговорить со мной. – Я никак не могла решиться тебе рассказать. Было очень стыдно. Ведь мне уже много лет, а я влюбилась, как девчонка.

– Зря ты так, мам. Я бы поняла и никогда не стала бы тебя осуждать, – от моей мимолетной обиды не осталось уже и следа.

– Знаю. И все равно не могла сказать. Ты сильно сердишься на меня?

– Что ты, мам, конечно же, нет. Просто я никак не могу оправиться от потрясения. Все так неожиданно произошло. Вы собираетесь пожениться? – полюбопытствовала я.

– Да. Сегодня Гриша, ой, – смутилась она, – Григорий Сергеевич сделал мне официальное предложение. Но я пока не ответила ему. Сначала мне нужно было узнать твое мнение. Ты не против?

– Конечно, я за. Ты уже давно заслужила быть счастливой. Ты любишь его?

– Очень. Я еще никого так не любила, – она смотрела на меня, и я видела, что она действительно счастлива. Ее глаза откровенно заявляли об этом.

– Тогда поздравляю тебя и желаю вам семейного счастья, – сказала я, радуясь за нее.

Мы с ней расцеловались, и она украдкой вытерла подступившие слезы.

– Прошу всех к столу. Рассаживайтесь поудобнее, праздник начинается, – весело прокричал муж Людмилы Борисовны.

Всем наполнили бокалы, и первый тост был произнесен за здоровье именинницы. От волнения у меня пересохло во рту, и я залпом выпила целый бокал вина. Вино было вкусное и сладкое. Сергей тут же опять наполнил пустующий бокал. Похоже, он выбрал меня своей дамой на сегодняшний вечер. Он все время что-то рассказывал и просил меня рассказать о себе. Я узнала, что ему двадцать восемь лет, он холост и что девушки у него сейчас тоже нет. Я старалась отделяться общими фразами, чувствовала себя как-то неуютно под его опекой. К тому же, от волнения уже допивала третий бокал вина, и голова слегка кружилась.

Тут зазвучала музыка. Я и не заметила аппаратуру в углу на небольшом возвышении. Зал был сравнительно маленький, поэтому не подходил для живой музыки. Возле аппаратуры на крутящемся стуле восседал парнишка, одетый как тинэйджер. Он следил за музыкой. Делая ее тише, когда произносили тост, и прибавлял звук, когда гости шли танцевать.

Заиграла какая-то грустная песня, и Сергей меня пригласил танцевать. Я с радостью согласилась. Очень люблю танцевать, но редко выпадает такая возможность. Сергей неплохо вел в танце, и я получила истинное удовольствие.

Вернувшись к столу, выпила еще немного вина. Настроение было отличное, хотелось танцевать, не переставая.

Следующим моим партнером по танцу стал Дмитрий. Он тоже пришел без пары на этот праздник. Находясь в изрядном подпитии, он не очень уверенно держался на ногах. Все время, пока мы танцевали, он что-то говорил, но я с трудом понимала о чем. Алкоголь подпортил ему дикцию.

Вернувшись за стол, я услышала шепот у своего уха: «Ты рискуешь сегодня перебрать вина. Хочешь, чтобы я привел тебя в норму? Если да, просто кивни слегка». Я кивнула и тут же почувствовала прикосновение горячей руки к своему животу в районе желудка. Это длилось всего несколько секунд, но голова сразу же прояснилась, как будто я весь вечер не пила ничего крепче сока. Убрав руку с живота, он слегка провел ею по спине, сняв тем самым напряжение в позвоночнике.

– Спасибо, – прошептала я одними губами.

А Сергей тем временем немного захмелел, и его ухаживания стали более откровенными. Он уже гораздо сильнее прижимал меня во время танца и даже пытался поцеловать один раз. Правда после того, как я его резко оттолкнула, больше не делал столь дерзких попыток.

Вечер подходил к концу. Все было очень вкусно, и я уже с трудом дышала, набив желудок до отказа. Все натанцевались вволю. В общем, праздник удался на славу.

Гости стали собираться по домам. Сергей предложил проводить меня до дома, но я категорически отказалась. Домой мы пошли с мамой и дядей Гришей. Проводив нас до двери, он проговорил:

– Вам нужно много о чем поговорить, не хочу мешать. Спокойной ночи.

Поцеловав маму и чмокнув меня, он ушел.

Дома мы с мамой переоделись и, хотя уже было достаточно поздно, сели на диван поболтать. Благо, завтра суббота и мне не нужно идти на работу. Смогу выспаться.

– Как тебе вечер, понравился? – спросила меня мама.

– Да, очень. Все было просто замечательно! – я широко зевнула. Хоть хмель и выветрился, но сонливость от выпитого вина накатывала на меня.

– Дочь, я хотела посоветоваться с тобой. Гриша хочет, чтобы мы жили у него. Ты как, не против? – осторожно спросила мама.

– А вам не тесно будет в его однокомнатной квартире?

– Ну, по метрам она ненамного меньше нашей. К тому же, в новом доме. А у нас квартира очень старая, да и комната одна проходная. Думаю, нам будет неудобно здесь всем вместе. Да и ты у меня уже взрослая. Наверное, хочешь жить самостоятельно?

– Мне не плохо и с тобой живется, – решила я немного подколоть ее, – но, думаю, что так будет лучше для всех нас. Тем более что дядя Гриша живет недалеко от нас. Если что, всегда смогу прийти к вам или вы ко мне.

– Я тоже так думаю. Ты у меня умница, – с облегчением вздохнула мама. Видно было, что разговор этот для нее не простой.

– Мам, а когда это случится? Я имею в виду, когда вы распишетесь? – спросила я.

– В следующем месяце. Мы не хотим это никак отмечать. Единственно, мы хотим взять отпуск, он – у себя, я – у себя на работе, и поехать куда-нибудь отдохнуть. Может, к морю. В конце апреля там уже, говорят, жарко.

– Это здорово. Ты, ведь, ни разу не была на море.

– А ты не обидишься, если мы поедем без тебя? Ты, ведь, у меня тоже ни разу не была на море, – сомнения, терзавшие ее, не давали наслаждаться счастьем в полной мере. Мне хотелось как-то успокоить ее, поддержать.

– Мам, ну о чем ты говоришь? Это ваше свадебное путешествие. Там только не хватает взрослой дочери. Нет, конечно. И потом, какие мои годы. Увижу еще море, не переживай.

– Ладно. И еще... Гриша хочет, чтобы я переехала к нему на следующей неделе, точнее в понедельник. Мы ведь уже не маленькие, и нам необязательно соблюдать формальности. Ты согласна? – она даже немного покраснела. Так откровенно о себе она говорила мне впервые.

– Конечно. Не забивай голову пустяками. Я рада за тебя и одобряю каждый твой шаг, – успокоила я ее.

– Спасибо. Я тебя очень люблю, – она обняла и поцеловала меня.

– Я тебя тоже, мам.

Мы еще немного посидели, поговорили о всяких пустяках, и я отправилась спать. Честно говоря, глаза просто слипались. Хотелось скорее очутиться в горизонтальном положении, чтобы тело расслабилось и отдохнуло. Я быстро разделась и нырнула в постель. Уже засыпая, вспомнила, что Дронд так и не появился у меня сегодня вечером. Интересно, что его остановило?

Глава 9

На следующий день я проснулась очень поздно. Какое-то курортное утро, прям! Зато почувствовала себя замечательно – выспавшейся и отдохнувшей.

За моим письменным столом сидел Дронд и рассеяно водил пальцем по регулятору эмоций. Он был сегодня очень задумчив, даже не заметил, что я уже не сплю.

– Привет. Давно сидишь? – спросила я, усаживаясь в постели и протирая глаза спросонья.

Слегка вздрогнув от неожиданности, он повернулся ко мне.

– Около часа, с того времени, как ушла твоя мама, – ответил он.

– А она уже ушла? – удивилась я. – Прямо, как школьница. Так непривычно видеть такой свою маму. Но она заслужила капельку счастья. Почему ты не разбудил меня?

– Ты спала очень крепко. А это самый лучший сон. Именно находясь в таком состоянии, человек лучше всего отдыхает, – он был, как всегда, очень рассудителен.

– Ты просто сидел и ждал? Тебе не было скучно? – решила поиздеваться я над ним.

– Я думал. Было о чем, – как-то уж очень серьезно ответил он.

– Какой-то ты сегодня странный, – мне послышалась необычная интонация в его голосе, похожая на грусть, – слишком спокойный, что ли. Не могу определить. Но выглядишь ты не так, как обычно.

– Кое-что произошло. Это очень важно. Наступил определенный этап, который должен изменить течение моей жизни. Но я еще не готов к переменам, – теперь уже прозвучало что-то типа отчаяния, – это не входило в мои ближайшие планы. Я должен закончить мою работу, – упрямо добавил он.

– Ну, так и не делай ничего, – мое удивление все росло. Это становилось интересным.

– Тут я не властен над собой. Есть определенные правила, которым мы все должны подчиняться. Иначе, будет нарушено спокойное течение жизни, появится определенный хаос.

– Но что ты должен сделать? – мое любопытство достигло апогея.

Он, как будто, не слышал моего вопроса, опять погружившись в глубокую задумчивость. Глаза опущены, и ресницы немного подрагивали. Если бы я не знала, что это невозможно, то могла бы подумать, что он сейчас заплачет. Но это было не про него. Он же просто думающая живая машина, абсолютно без души.

– Я должен исчезнуть из твоей жизни на какое-то время, – наконец сказал он.

– Ну вот, и ты собираешься уйти. Меня что, все время будут бросать? – теперь уже я готова была заплакать. Новость оказалась неожиданно неприятной.

– Я тебя не бросаю. Просто какое-то время меня не будет. Но я буду знать обо всем, что с тобой происходит, обо всех твоих передвижениях. Только... Только я не смогу появиться, если это будет нужно. Я буду очень далеко. Оттуда очень долго добираться. Поэтому я хочу, чтобы ты была аккуратна, особенно, в отношении со своими знакомыми.

– Ты хочешь о чем-то меня предупредить? Ты что-то знаешь? Мне что-то угрожает в будущем? – засыпала я его вопросами.

– Да. Но ты сможешь справиться с этим сама, если у тебя хватит выдержки. Просто анализируй свои поступки и все будет нормально.

– Почему-то меня пугает не то, что может со мной произойти, а то, что происходит с тобой, – задумчиво произнесла я. – Ты точно не хочешь мне рассказать?

– Я не могу. Тебе пока нельзя знать всего. От меня это не зависит.

– И когда мне можно будет уже все узнать? – эти постоянные запреты выводили меня из себя. Половина вопросов оставалась без ответа, потому что нельзя... еще рано... ты не поймешь... Какой человек способен долго терпеть такое?

– Когда я получу на это разрешение, – ответил он, наблюдая за сменой моего настроения.

– Я думала, что ты живешь там, где люди более свободны в своих поступках, нежели мы тут. А получается все наоборот. Если тебе даже говорить запрещают о чем-либо, – сказала я, вложив в эти слова все раздражение, какое испытывала.

– Все совсем не так, – он покачал головой. – У вас ведь есть верховная власть в лице вашего президента и правительства. Они диктуют основные законы, которым подчиняется ваша жизнь. У нас тоже есть такая власть, и есть определенные законы. Эта власть совершенна, она создана умами людей, но сама не является человеческой субстанцией. Это наш верховный мозговой центр, в котором хранится вся генетическая информация о каждом из нас. Он регулирует все жизненные процессы. Основная цель работы центра – создание идеальной гармоничной атмосферы для существования людей в нашем мире. Идеальное общество – это значит неукоснительное соблюдение определенного ряда законов, продиктованных логической закономерностью самой жизни. Неподчинение этим законам – значит нарушение логической цепочки, которое может привести к более серьезным последствиям. Чтобы жить в столь идеальном мире, нужно соблюдать все правила. Мы абсолютно свободны в поступках, но поступки эти не должны вредить обществу. Я не могу объяснить тебе понятнее пока. Сейчас это все, что я могу рассказать. Надеюсь, ты поняла меня?

– Я поняла, – медленно кивнула я, – не все, конечно, но, мне кажется, что основную мысль ухватила. Но у меня складывается впечатление, что впервые в жизни ты сожалешь, что живешь в столь идеальном мире.

– Я не могу сожалеть и то, что я испытываю сейчас, не поддается описанию. Одно я знаю точно, что должен добиться отсрочки хотя бы на год, – конец фразы он произнес уже не для меня, а для себя, как будто убеждая себя в чем-то.

– Мне очень будет не хватать тебя. Я уже привыкла, что ты все время рядом – слушаешь меня, помогаешь... Я буду скучать.

– Постараюсь как можно быстрее уладить дела. Надеюсь, это не займет слишком много времени, – быстро произнес он.

– Тарас уехал, мама в понедельник переезжает к дяде Грише, ты уходишь не известно на сколько, я остаюсь совсем одна, – я горестно всхлипнула. Грусть переполняла меня. На глазах выступили слезы.

Дронд не спеша подошел ко мне. Он стоял и внимательно смотрел, как мои слезы стекают по щекам. Потом дотронулся до капелек рукой, смахивая их с моего лица. Его глаза горели каким-то необычным светом, ярче, чем когда-либо ранее. Он наклонился и дотронулся до мокрых дорожек губами. Он целовал меня. Целовал каждый квадратный сантиметр моего лица, обходя только губы. Кожа горела от его поцелуев. В низу живота опять появилась предательская тяжесть. Я не могла пошевелиться, чтобы не нарушить очарования минуты. Наконец, он дотронулся до моих губ. Его поцелуй был не сравним с поцелуем Тараса. Обычный человек не может так целоваться. У меня закружилась голова, я уже начала терять сознание, когда он перестал целовать. Это было неестественно прекрасно. Я не хотела, чтобы это заканчивалось. Я никак не могла заставить себя вернуться в реальный мир. А он стоял и смотрел на меня. Но глаза его продолжали сверкать. Казалось, он хотел продолжить начатое и только усилием воли сдерживает себя.

Когда ко мне вернулась способность говорить, я произнесла, слегка заикаясь:

– Я думала, что вы не целуетесь, что вам это не нужно.

– Я никогда не говорил тебе, что у нас отсутствуют инстинкты. Инстинкты – это то единственное, что не подчиняется разуму. Они у нас по силе гораздо превосходят ваши. Я поддался одному из них. Это было сильнее меня. Я и сейчас все еще хочу этого, но сдерживаюсь, потому что знаю, что делать этого нельзя. И еще я боюсь, что не смогу остановиться. А ты не в силах будешь мне сопротивляться. Я могу полностью парализовать твою волю, если она мне будет мешать получить желаемое.

Он отвернулся от меня и отошел на безопасное расстояние. Немного постояв спиной ко мне, повернулся. Лицо у него было опять спокойное, как будто ничего не произошло. Удивительно, а моя грудь все еще вздымалась, как раздуваемые меха. И я никак не могла унять сердцебиение.

– Хочу оставить тебе одну вещь. Это примитивное средство самозащиты. Я хочу, чтобы оно все время было при тебе. Оно очень простое в применении.

Он достал маленький цилиндрик, размером чуть больше пальчиковой батарейки. На конце этого цилиндрика были усики, длиной примерно в два сантиметра. А на каждом усике было по ярко-красному светящемуся шарику.

– Достаточно притронуться вот этими шариками к обнаженному участку тела, и человек на несколько минут потеряет способность шевелиться. Но касание должно быть недолгим, иначе способность двигаться к нему вернется очень нескоро. Для тебя он не опасен. Я его запрограммировал на всех, кроме тебя. Так что можешь смело его касаться.

Я взяла в руки цилиндрик. Он был очень легким. Из чего же у них все делается, что почти ничего не весит.

– Носи его с собой, не забывай, пожалуйста, дома, – предупредил он.

– Постарайся поскорее уладить свои дела. Я буду ждать тебя, – жалобно произнесла я на прощание.

Когда он ушел, я немного поплакала, а потом стала вспоминать его поцелуй. Его губы были очень гладкими и горячими, а язык, напротив, прохладным и сразу везде. Его поцелую невозможно сопротивляться, как водовороту, который тянет на самую глубину, и нет сил выбраться из него. Ты не знаешь, что там на глубине, но тебя туда затягивает против воли. Одновременно с этим, ты хочешь оказаться там и испытать неизведанное блаженство. Это его поцелуй обещал райское блаженство.

Если он так целуется, то как же он делает все остальное? Мне стало стыдно от этих мыслей. Я вскочила и стала ходить по комнате туда-сюда. Да что со мной такое? Я что и в Дронда влюбилась? Но это просто невозможно. Невозможно любить человека, не способного ответить на твои чувства, не способного даже испытывать это чувство. Бред какой-то. Зачем он только меня поцеловал? Что он там сказал, что это был инстинкт? Нужно сдерживать свои инстинкты. От них одни дополнительные проблемы.

Я разозлилась, и злость придала мне сил. Наконец-то я смогла отвлечься от мыслей о поцелуе и заняться делами. Нужно было помочь маме собрать вещи, продумать, что ей будет необходимо.

Мама до вечера не появлялась дома, и я хлопотала в одиночестве. Зато, когда она пришла, все вещи уже были собраны и готовы к переезду на новое место.

Мама переживала за меня. Как я тут буду одна справляться. Я ее всячески пыталась успокоить.

Вечером я отправилась навестить Лену – Машкину сестренку. На время отсутствия Маши у нее поселилась подружка, так что скучно ей не было. Вроде они не голодали. Девочки уже взрослые, готовить умеют. Да и много ли им нужно вдвоем? Я велела им не сидеть по ночам, а то не смогут встать вовремя в понедельник и пропустят школу. Обещала зайти после работы.

На обратном пути ноги сами меня привели на остановку, где я впервые увидела Дронда. Я села на лавочку и стала вспоминать. Тогда мне это казалось таким сверхъестественным, а потом стало настолько привычным, что я уже не могла без этого обходиться.

А ведь он далеко не обычный человек. Кто он? И откуда? Вот два вопроса, которые меня больше всего интересовали в данную минуту. Где найти на них ответы? Расскажет ли он мне когда-нибудь все? Обещал, значит расскажет. Он не умеет врать. А можно ли ему это мне рассказывать? От такого количества вопросов голова готова была лопнуть.

На улице стемнело, и я побрела домой.

Воскресенье прошло спокойно и как-то необычайно скучно. Мы с мамой старались продумать все до мелочей, чтобы и ей, и мне было удобно жить врозь.

Дядя Гриша решил работать посменно после свадьбы. До этого он дежурил каждую ночь. Говорил, что так ему проще. А то дома ночью одному просто тоска, хоть на стены лезь. Мама тоже работала не каждую ночь. При удачном раскладе, может получиться так, что их смены будут совпадать, и они больше времени станут проводить вместе.

А я скучала по Дронду. Мне его очень не хватало. Я даже сама не замечала раньше, как он скрашивал мое нахождение дома.

Глава 10

Шли дни. Уже наступил апрель. Как-то сразу стало тепло. В апреле так бывает. Иной год в апреле бывает тепло, как летом. Народ резко раздевается – меняет зимнюю одежду на летнюю. А вот в мае может выпасть снег. Это очень коварный месяц. Холода могут стоять до самого июня, а то и его захватить.

В последние годы природа вообще любит злостно пошутить. Как-то раз, когда я еще училась в школе, пятого июня выпал снег. Я помню, шла на экзамен в туфлях по снегу, было очень холодно.

Но в этом году все проходило плавно, как и должно быть. Потеплело ровно настолько, чтобы сменить зимнюю одежду на демисезонную. Я наконец-то избавилась от старых зимних сапог и решила, что в следующем году ни за что их носить не буду. Снег таял очень медленно, но уже во многих местах его не было вообще. Приятно было ощущать под ногой сухой асфальт.

Конечно, кругом, куда ни глянь, виднелась грязь и сырость. По обочинам дорог оставались небольшие сугробы талого грязного снега. И я знала, что пройдет еще немало времени, прежде чем весь он растает. И все равно, это была уже настоящая весна. Дни становились намного длиннее, пение птиц – громче, солнце светило долго и ярко, и все живые существа грелись в его лучах. На деревьях набухали почки. Еще чуть-чуть и начнут появляться робкие листочки.

Машка вернулась из путешествия. Впечатлений привезла целый ворох. Она без умолку делилась ими с нами. Судя по ее рассказам, отец у Олега был замечательным человеком, эдакий Весельчак. Они с Машкой сразу нашли общий язык, много шутили и смеялись. Короче, нашли друг друга. А вот с мамой Олега все оказалось сложнее. Она как-то сразу невзлюбила Машу только за то, что та понравилась ее сыну. Все время, пока Маша с Олегом гостили у них, она вела себя очень чопорно и высокомерно. Искала в Маше какие-то недостатки.

С нашей Машкой вообще трудно не поладить. Она очень веселый, добродушный и порядочный человек. Олег просил Машу не обращать особого внимания на грубость матери. Но, находясь там пять дней, трудно этого не делать. Впрочем, это было единственное, что Машке слегка испортило впечатление от поездки, и, в силу своего характера, она считала это пустяком. Остальное все казалось ей просто замечательным. Олег познакомил ее с городом. Показал университет и представил своим друзьям. В общем, поездка удалась на славу.

Машка привезла нам всем сувениры – красивые тарелочки с видами Новосибирска, причем, у всех были разные картинки. Я свою повесила на стене в кухне. Мне понравилось, как она там смотрится.

Как-то раз, сидя вечером дома, я услышала звонок в дверь. Открыв, увидела на пороге Машку с Тарасом. Оба стояли и широко улыбались.

– Сюрприз! – закричала Машка. – Что, так и будем стоять, даже в дом не пустишь?

Я поспешно посторонилась, пропуская их в квартиру. Это было очень неожиданно, и я не знала как себя вести. Мне сразу стало стыдно, одета я была как-то уж очень по-домашнему – в спортивные штаны и старую майку.

Тарас выглядел тоже немного смущенным. Он легко коснулся губами моей щеки и не сказал ни слова.

Машка трещала без умолку, а мы с Тарасом молчали.

– Вы чего, воды в рот набрали? Как школьники, честное слово, – с раздражением заметила Маша.

– Может чаю или кофе? – предложила я.

– Конечно! Наконец-то догадалась. Мы и торт вот купили. Пошли на кухню. Я все сделаю, а то ты еще все чашки преколотить от волнения, – с этими словами, она зашагала впереди нас.

За чаем с тортом мы все понемногу оттаяли, и завязалась интересная беседа. Тарас рассказывал, где он был и что делал все это время. А я, как всегда, заслушалась. Я уже начала забывать, какой он талантливый рассказчик. Как-то просто и с юмором он говорил о самых необычных вещах. Постепенно я стала узнавать в нем того Тараса, который уехал уже так давно.

Мы засиделись допоздна. Уже собираясь уходить, Тарас отозвал меня в сторонку:

– Лид, может, мы встретимся завтра? Пойдем погуляем, может в кино сходим или в кафе? Я так соскучился по тебе, – смущенно добавил он.

– Давай, – просто ответила я и покраснела от смущения.

– Тогда, я зайду за тобой часов в одиннадцать? Ты уже не будешь спать? Ты как, не спишь по субботам до обеда? – пошутил он.

– В одиннадцать я буду готова.

Он наклонился и крепко поцеловал меня в губы. Я ответила на его поцелуй и поняла, что ничего не изменилось, что он мне по-прежнему жутко нравится.

В субботу я встала пораньше. Вымыла голову, привела себя в порядок и принялась дожидаться Тараса. Ровно в одиннадцать он зашел за мной, и мы отправились с ним гулять. Погода стояла замечательная, и мы решили никуда не ходить, а просто пройтись по нашему парку.

– Чем ты планируешь заниматься тут? – спросила я у него.

– Все тем же, – ответил он. – Собираюсь разыскать скит старообрядцев, который, говорят находится тут не далеко от вашего города, в лесу. Когда найду, хочу напроситься к ним на постой ненадолго, чтобы поизучать их обычаи и традиции. Вот прямо в понедельник и начну поиски. Снега уже в лесу не так уж и много, вроде можно пройти.

– Но это, наверное, опасно. Всякие там дикие животные, – забеспокоилась я, – ты не боишься?

– Дело в том, что я неплохо изучил природные особенности этого места. Из всех животных, которые водятся у вас в тайге, наиболее опасен для человека бурый медведь, – я содрогнулась от ужаса. – Он, конечно, огромен и очень страшный. Некоторые из них весят до пяти сот килограмм, представляешь. Такой одним ударом лапы способен сломать спину быку, зубру или бизону. Вот с ним встречаться лпасно. Но, как правило, он сам избегает людей. Разве что зимой себя плохо контролирует... Шатуны – слышала про таких? – Моежт и слышала, но точно не придавала этому значения. – Это медведи, которые просыпаются от голода, если недостаточно накопили сил осенью для зимней спячки. – И все же я волновалось, что не укрылось от Тараса. – Ты не волнуйся, я знаю, что мне делать, если на меня пойдет медведь. Специалисты советуют в этот момент упасть ничком на землю и не шевелиться, притворяясь мёртвым, пока зверь не уйдёт.

– Звучит достаточно смешно и просто. На самом деле, от страха нужно еще сообразить, что тебе делать, – пробормотала я.

– Медведи редко нападают на людей. Чаще они повреждают посевы, разоряют пасеки и нападают на домашних животных, – уверял меня Тарас.

– Но как же тогда староверы не боятся жить в лесу? Ведь у них же есть какое-нибудь хозяйство? – спросила я, представляя себя на их месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.